

Последняя  
сказка Лизы

Евгения Райнеш

**Евгения Райнеш**  
**Последняя сказка Лизы**  
Серия «Сакральные  
хроники окраин», книга 3

*<https://litres.ru/64141166>*

*SelfPub; 2021*

**Аннотация**

Сказочница Лиза, сбежав от сходящего с ума мужа, отправляется к старым друзьям, которые недавно переехали в горную деревню Аштарак. Она хочет всего лишь получить передышку, чтобы решить, как жить дальше, но в тихой деревушке вдруг начинают происходить странные события. Местные связывают их со старинной легендой Аштарака, передающейся из поколения в поколение. Шакал вернулся, говорят они. А Лиза однажды ночью просыпается от того, что кто-то наблюдает за ней с той стороны окна.

Дизайн обложки Евгения Райнеш.

# Содержание

Глава первая. Канопус с корабля Арго	5
Глава вторая. Три года назад. Алик	16
Глава третья. «Лиза, это дом. Дом, это Лиза»	51
Глава четвёртая. Легенда о невесте шакала	68
Глава пятая. День знакомства всех со всеми	84
Конец ознакомительного фрагмента.	94

# Евгения Райнеш

## Последняя сказка Лизы

В-а-у-у...

Я подскочила, ещё не вполне понимая, в какой реальности нахожусь. Звук был далёким, резким и тревожным. Сигнал охотничьего рога, знакомого мне только по историческим фильмам, в которых какие-нибудь знатные рыцари выезжали на охоту.

Просторная комната, чистая и светлая, с окнами на двух стенах. Ветка мандаринового дерева прошелестела уже осенними листьями по стеклу. Деревня за окном спала темно и совершенно беззвучно.

Пробуждение было слишком резким, чтобы сразу мыслить здраво. Только через минуту вспомнила, что я в Аштраке, успокоилась и снова собралась заснуть. Но всё тот же резкий вскрик опять донёсся с вершины. Вслед за ним пронзительно завыли шакалы, прятавшиеся в густых лесах, покрывавших эти горы, и сразу странно запели петухи – почти без паузы, но в порядке очерёдности.

«Почему петухи закричали задом наперёд?», – успела плохо подумать я, снова проваливаясь в тяжёлый сон.

Потому что сразу после этого переполоха наступила обволакивающая негой тишина.

# Глава первая. Канопус с корабля Арго

– Ты слышала, как странно ночью кричали петухи? – спросила я Тею, намазывая масло на хрустящую корочку.

– Петухи не кричат по ночам, – как-то даже стесняясь таких очевидных вещей, ответила она.

Тея – девушка не просто научных, а энциклопедических знаний, так что сразу последовало уточнение:

– И они всегда кричат в строго определённое время. Первый крик – в предрассветную рань, второй – перед зарёй. Третий – когда уже рассвело. Все дело в звезде Канопус.

– В чём? – меня озадачила изящная непредсказуемость Теиной мысли.

– Когда люди попытались связать петушиный крик с определённым расположением звёзд на небе, то выяснилось, что петухи даже в беспросветно тёмном курятнике кричат, когда Канопус встаёт над горизонтом. Это самая яркая звезда в созвездии Киля. И вообще вторая по яркости после Сириуса. Именно на неё ориентировалась американская автоматическая станция, когда летела к Марсу. В древности скопление Киля было лишь частью огромного созвездия Корабль Арго.

– А сейчас?

– Сейчас Арго в том виде уже не существует. Распался

на четыре отдельных созвездия. Киль – одно из них. Так вот, «вторые петухи» кукарекают в те минуты, когда Канопус уходит с небосклона. Причём в наших широтах эту звезду не видно.

– А где её видно? – заинтересовалась я.

Тея задумалась только на секунду:

– В южном полушарии. Чаще всего упоминание о Канопусе встречается в ранних египетских и индийских текстах. Кстати, Канопус – это ещё и исчезнувший город-порт в Египте. Давно. Даже Геродот упоминал о нём, как о чём-то очень древнем.

Услышав слово «Египет», я испугалась, что Тея сейчас подсядет на свою любимую тему. Она историк, причём – наследственный. И имя ей родители дали подходящее, словно догадывались, что большую часть своей жизни подруга посвятит диссертации по Древнему Египту. В отличие от меня, Тея с детства мечтала не о платьях принцессы и неземной любви, а попасть на раскопки в знаменитую «Долину царей». Это же просто невозможно остановить Тею, как только произносится кодовое слово. Египет. В ней сразу же включается непрошибаемая зануда.

– А третий раз, по-твоему мнению, когда кричат петухи? – я постаралась, чтобы голос звучал не слишком уныло.

– Это пока не выяснено. Так же остаётся тайной, каким образом петухи «видят» незримую звезду. Например, здесь, в Аштараке.

– Очень интересно, – задумалась я, – и что, никак не могут они закричать ночью? Испугавшись, например?

– Не могут, – Тея повернула ко мне своё прекрасное, хотя и немного уставшее лицо. – Тебе показалось. Это случилось, наверное, перед рассветом.

На этот раз я промолчала. Пусть будет Канопус. Что-то ещё в этой ночи, кроме обалдевших петухов, беспокоило меня, но тревога оставалась какой-то смутной, размытой, и я решила не обращать на неё внимания. Реальных поводов для напряжения и без того больше чем достаточно.

– Но в одном ты права, – вдруг задумалась Тея, – что-то странное происходило этой ночью. Я сейчас вспомнила, что проснулась ближе к утру, хотя обычно дрыхну как убитая. Но может это всего лишь перепады давления.

Я прыснула со смеху. Она, сдерживая улыбку, повернулась ко мне, стараясь говорить серьёзно:

– Вот смеёшься, а в нашем возрасте уже пора задумываться о таких вещах, как давление...

– Ти, – я продолжала смеяться, – у нас нет давления. Мы эфемерные существа, помнишь? Время не властно над нами, и у нас никогда не будет возраста.

– Не издевайся, и не кощунствуй, – Тея бросила в меня скомканной салфеткой. – Не девочка уже, поди, чтобы так легкомысленно говорить о возрасте.

– Ага. Только с придыханием, – я бросила салфетку обратно, но не попала.

Тем не менее Тея театрально схватилась за поясницу и охнула.

– Прекрати, – я внезапно испугалась. – Нам нет ещё и тридцати. У нас всё впереди.

Подруга, зеркальное отражение моих лет, не имела права даже в шутку хвататься за поясницу, стонать и болеть. Если бы могла, я бы запретила ей и взростеть тоже. За время, что Теи не было рядом, в уголках её таких знакомых глаз уже прорезались две морщины. Едва заметные, но всё же...

Мы не виделись несколько лет. Как-то неожиданно обе вышли замуж, разъехались и долгое время занимались устройством настоящей взрослой жизни, в которую вдруг попали. Теина взрослая жизнь в виде Алекса в данный момент пребывала на работе, а моя...

Рано или поздно придётся признать, что моя жизнь дала трещину. Иначе зачем бы я внезапно ввалилась позавчера ночью к Тее и Алексу? Люди, у которых все в порядке, так не поступают. Они договариваются заблаговременно и приезжают в гости с мужем, кучей детей и вещей на все случаи жизни. Иногда они привозят с собой ещё и любимую собаку. Но последнее – это если личная жизнь удалась без всяких сомнений. У них есть билеты на обратную дорогу, и все чётко знают, когда придёт пора душевно прощаться.

Я же просто приехала. С билетом в одну сторону. Пока автобус петлял по ночному серпантину, меня немного укачало (или даже не немного), и я не успела толком ничего рас-

смотреть. Только ощутить, что оказалась на краю света (или в самом его центре, это зависит от точки зрения).

Сюда мои друзья переехали совсем недавно из большого города, где было множество заводов, торговых центров и веток метро. Поменяли его на горный воздух, фруктовые деревья и отсутствие суеты. Видимо, у всех наступает момент, когда хочется тепла и тишины.

Я сутки отсыпалась после дороги, а теперь сидела на утренней кухне. Горячий ароматный кофе, свежий хлеб и деревенское масло казались незаслуженной наградой за бегство. И всё же правило «маленьких шагов» прекрасно. Быть счастливой от того, что имеешь в данный момент. Всегда есть, чему порадоваться.

– Помнишь, как мы строили шалаши за сараями? – вдруг спросила я.

Тея поняла с полуслова. Это одно из самых замечательных преимуществ друзей детства. Им не нужно долго объяснять, почему резко перескакиваешь с одной темы на другую. Так как мысли у вас текут в одном направлении, и любую из них можно внезапно вытащить за хвост на свет божий, попав в момент, когда друг детства думает о том же самом.

– Мы хотели построить за этими ветхими сараями целый город и заселить его воображаемым народом. Ещё спорили, как он будет называться, – вспомнила Тея. – Так ни к чему и не пришли. Город остался безымянным.

– И мы выдохлись на втором шалаше, – засмеялась я. –

Получился город полутора домов. Будь ты тогда такая же умная, как сейчас, мы могли бы назвать его Канопусом. Помогите, замечательное имя для города. Сказочное.

– Нет, милая, – улыбнулась Тея. – Сказки – это твоё. Я предпочитаю научные факты, подкреплённые опытным путём. Для меня Канопус вовсе не полтора шалаша за сараями на нашем старом дворе, а древний город в западной дельте Нила. До основания Александрии являлся главным центром торговли египтян с греками. Сейчас на его месте расположен Абукир – восточный пригород Александрии. Археологи предполагают, что большая часть древнего Канопуса была затоплена морем и лежит примерно в двух километрах к востоку от нынешней гавани. Так что, милая моя, только факты. Никаких фантазий и домыслов.

На мгновение я затихла, переваривая новое чудесное название. Абукир... Но тут же столкнулась с насмешливым взглядом подруги, которая, казалась, видела насквозь, как я пытаюсь новое название пристроить к какой-нибудь необыкновенной истории. Научная Тея всегда подсмеивалась над фантазиями. Она считала, что я не хочу уходить из детства. Застряла в чудесном времени, как Алиса в кроличьей норе, и не собираюсь выбраться. Живу в своих придуманных мирах.

Я не спорю. В конце концов, доля истины в этом есть. При любой проблеме я верю: случится какое-то чудо. Оно и спасёт от неприятностей, в которые с настойчивостью, достойной лучшего применения, сама же и влипаю из-за неуёмной

тяги к чему-нибудь необычному. Только редко необычное оказывается прекрасным дворцом в волшебной стране. Чаще всего судьба приводит меня в заросли колючек.

Не действую и решаю, а верю. Может, поэтому я пишу сказки для детей? О добрых Подушечках и капризных Иголочках. О гордых принцессах и самоотверженных принцах. О таинственных городах и невероятных полётах в небесах. Мы с детьми вместе ждём добрых волшебников. Крестных фей с палочками-выручалочками, старых бородачей, закутанных в плащи-невидимки, восточных чернооких Алладинов на коврах-самолётах.

Но что-то явно идёт не так. Большинство тщательно выстроенных волшебностей так и остаётся только в папке «Мои документы». Образно говоря, мой ноутбук – это кладбище сказок.

– Лиза, милая, только не это! – Тея посмотрела на меня с гротескной тревогой. – Умоляю, никаких приключений принцессы Иголочки в Абукире!

– И чем тебе моя прекрасная Иголочка не угодила?

Меня раскусили. Это было немного обидно.

– Иначе я буду чувствовать себя предателем, сдавшим прекрасный город нашествию дурацких сказочных героев. Наука мне этого не простит.

– А если ты будешь подвергать своему искромётному сарказму моих прекрасных героев и называть их дурацкими, тебе этого не простит литература.

– Ну-ну, – Тея поджала губы и замолчала в знак уважения к литературе.

Но весь её вид говорил: она сомневается в моей причастности к чему-то действительно великому. Тому, что имеет право не прощать.

Ба-бах!

Дикий грохот откуда-то сверху. Животный ужас заставил съёжиться, я машинально закрыла голову руками и присела, а Тея метнулась по лестнице наверх. Через секунду послышались её весёлые ругательства:

– Арм, твою ж кошачью мать...

А ещё через секунду она появилась с большой торбой в руках.

– Коты уронили шкатулку с иголками и ножницами, – смеясь, доложила она.

И тут же осеклась, увидев моё бледное лицо в испарине.

– Лиз, ты чего? – испуганно спросила она.

Я проглотила уже такой привычный, невидимый комок и с трудом пропихнула слова через сжатое спазмом горло:

– Нервы...

Глубоко вдохнула и выдохнула, как меня научил один мой знакомый букинист, и повторила:

– Реакция на шум, только и всего.

Тея внимательно посмотрела на меня. Подруга была великолепной жилеткой для всех желающих поплакать. Это повелось ещё с «доисторических», «доаштараковских» времён.

И не успели они с Алексом переехать в деревню Аштарак, как толпы страждущих поддержки и утешения ломанулись на самолёты и паровозы, чтобы добраться и получить свою порцию жизненной энергии. Может, у неё самой и появлялись какие-то проблемы, только об этом никто не догадывался. Такая она была всегда – ровная, ироничная, участливая. Я понимала, что долго не смогу водить её за нос. Хотя попытаться стоило.

– Почему ты так неадекватно реагируешь на простой шум? Раньше ты вполне комфортно чувствовала себя в нашем балагане.

Признаться сейчас о случившемся – значило прекратить это чудесное утро. Не болтать беззаботно ни о чём, поддразнивая друг друга, а долго и утомительно решать, что делать и как быть дальше. Я ещё не готова была признать, что потерпела крах, и теперь требовались гигантские усилия, чтобы как-то выправить давший крен курс моего корабля. Конечно, всё решу, но чуть позже. Чуть позже.

– Просто устала, нервы расшатались.

Я подошла к окну, где в неразберихе зелёных мясистых листьев яркими пятнами мелькали маленькие шарики мандаринов. Мандариновое дерево было совершенно не похоже на новогоднюю ёлку. Но лучи ещё тёплого солнца искрами прыгали по пышной зелени, и сердце вдруг неистово захотело праздника и сюрпризов.

Тея сдула сбившуюся на глаза чёлку:

– Две недели назад заезжала Хана. Ты не представляешь, какое она ходячее сборище фобий. Бойтся собак, коров, хулиганов, высоты, пауков... И я ей сказала: «Может, ты не боишься на самом деле, а просто привыкла бояться?». Она подумала, и поняла, что часть страхов действительно живёт в ней по инерции. Может, и ты просто привыкла тревожиться?

Я упрямо произнесла.

– Нет, не привыкла.

И бросила тихий взгляд на свои руки. Только я знала, что на предплечьях, под мягким, уютным свитером дозревали, наливаясь жёлтым, большие синяки. И ещё знал он. Мой муж.

В моём муже жили демоны.

«Бред ревности, отягощённый алкоголизмом», – так сказал знакомый психиатр. «И, очевидно, психопатия».

А другие, не очень знакомые психиатры, сказали то же самое.

Но я точно знала, что внутри моего мужа живут демоны, потому что, по крайней мере, с тремя из них была даже лично знакома.

Вообще-то, большую часть времени они спали. И всё было просто прекрасно до тех пор, пока их не начинал мучить голод. Это происходило не сразу, не вдруг. Просто тихие, спокойные будни вдруг начинали постепенно наливаться чем-то тревожным, ещё не осозанным. А потом словно из переполненной накренившейся шкатулки вдруг с ненавязчивым

звоном выскальзывало то одно, то другое. Сначала – странный взгляд. Затем – жёсткие слова. А потом...

Чем дальше, тем наглее и безобразнее они себя вели.

И как мне сказать об этом Тее? Вот так взять и ляпнуть: «Привет! Оказалось, в моём муже живут демоны, погощу у вас немного, пока они не найдут мой след»

Разве я могла?

## Глава вторая. Три года назад. Алик

– Лиза, – потянувшись, сказал Влад. – А почему бы нам не смотаться на два дня, например, в дивный древний город? Впереди долгие выходные, мы же не хотим пролежать их на диване?

Я с обожанием посмотрела на мужа. Мы были женаты несколько месяцев, и меня всё ещё удивляло, насколько жизнь с Владом превратилась в чудесную повесть, полную замечательных путешествий и милых приключений. Судьба словно решила наградить меня за все годы одиночества и теперь восполняла волшебные мечты. Даже принцессе Иголочке не снилась такая сказочная жизнь.

– А ты не устал? – под конец рабочей недели Влад бывал очень вымотан, хотя и тщательно скрывал от меня это. – Только честно?

Он, тихо улыбаясь, покачал головой.

– А куда?

– Сюрприз, – засмеялся Влад, поднимаясь с кресла. – Я уже забронировал отель на ночь. Беги, собирайся.

– Что брать? – спросила я, прежде чем от избытка чувств полезла обниматься.

– Погода так себе, поэтому возьми тёплые вещи на два дня, мы будем много гулять.

Я просто обожала эти наши внезапные решения: куда-ни-

будь выехать. Словно запылившийся плед мы перетряхивали этими поездками будни. Разгадывали чужие города, как ребусы. Как будто рисовали свою карту, но наносили не улицы и достопримечательности, а истории. Иногда загадочные, иногда просто интересные, иногда – смешные.

Как-то Влад решил примерить кольцо у торговца, предлагавшего «ручную эксклюзивную работу» под стенами древнего Кремля, а оно намертво застряло на пальце. Не помогло ни обильное поливание пальца водой, ни крепкие зубы Влада, которыми он неистово вцепился в «эксклюзив», пытаясь избавиться от намертво окольцевавшего перстня. Торговец – розовощёкий парень с льяными кудрями, перехваченными головной повязкой, и в псевдорусской, но колоритной кофеворотке – морщился: «Вы же уже товар обслуживили», и кольцо пришлось купить, несмотря на то что ни мне, ни самому Владу, оно совсем не нравилось. Кольцо соскользнуло с пальца через несколько дней, когда мы уже вернулись домой, легко и непринуждённо. Даже как-то немного виновато соскользнуло. Мы заподозрили кремлёвского коробейника в мошенническом волшебстве, словно он заколдовывал «товар» на застревание, что вело к неминуемой продаже. Но кольцо осталось у нас, оно и сейчас лежало в шкатулке, как память о солнечном осеннем дне, белых в трещинах стенах небольшого Кремля и запаха земляничного мыла, которым мы безуспешно мылили палец Влада вечером в гостинице.

Так же, как осталось послевкусие неприметной кафеш-

ки, где нас волшебным образом накормили. Больше нигде и никогда я не испытывала такого восторга от еды, и поняла именно там, что пища телесная может быть незабываемой божественной мелодией, память о которой ты ощущаешь и через много-много лет. Что именно мы ели? Не помню. Но ощущение счастья осталось на языке.

Так же, как навсегда впечатался в память и восторг от вдруг упавшего на обочину дороги ярко-розового заката. И очень интимные моменты: обои с нежными цветами в гостиничном номере, пёстрое лоскутное покрывало и непонятный медовый запах, просачивающийся с улицы даже сквозь плотно закрытое окно. Словно эта пыльца незримо окутывала всё, и кожа Влада пахла цветочным мёдом: сначала чуть слышно, а затем, наливаясь страстью, все полнее, безоговорочней, требовательней.

Словно первые люди на Земле – Адам и Ева, – мы собирали из этих моментов наш собственный мир, и клянусь, ни с кем и никогда на нашей планете не случилось ничего подобного. По крайней мере, я думала так, и это было совершенно нормально, потому что так думают все влюблённые. А я была влюблена во Влада. Как кошка.

Середина марта была странной в этом году. Тепло солнечных дней, квасившее слежавшийся снег, резко сменялось суровыми морозами. Поэтому я сгрузила в нашу старенькую, но ещё очень бодренькую машину всё тёплое, что попало под руку. Наполнила термос свежесваренным кофе. Пара бу-

тербродов на случай, если в дороге прихватит резкий голод, и мы были готовы отправляться.

Выехали ещё затемно, и печальные голые мартовские берёзки на обочине шоссе не один раз сменились густым лесом, прежде чем мы добрались до сюрприза, который подготовил мне Влад. Небо, нависшее над дорогой, только к позднему утру сменило мрачную тьму на стальной серый цвет. Но наше хорошее настроение оно не портило, как и не удручало однообразие ландшафта. В такую раскисшую погоду грядущее приключение пробуждает в душе личное солнце. И Влад придумал замечательно: выбраться из унылой столицы на выходные.

Даже самые ухоженные города в марте становятся зачуханными, как беспризорники. Из-под начавшего таять снега вылезают все грехи, скрытые до поры до времени белым покрывалом. Окурки, банки, клочки разлагающейся бумаги и прочие прелести человеческой жизнедеятельности.

Серое тоскливое небо, расквашенная и снова подмёрзшая корявыми глыбами земля... Единственное, что греет душу, так это осознание того, что надежда нас не обманет, и скоро будет лето. Будет лето? Опыт прожитых лет и пробивающиеся через хмарь робкое, ещё холодное солнце обещают, что будет.

В конце концов, свернув с главного шоссе, мы затряслись по сельской дороге, следуя указателю «Тленово», и минули небольшую деревушку. Когда на околице крупно замаячи-

ла стрелка «Историко-архитектурный комплекс «Лашкино. Усадьба Менишевых», я затаила дыхание.

– Это то, о чём я думаю? – с благодарностью посмотрела на Влада.

Во все окна автомобиля вдруг разом ударило ослепительное солнце. Забитая радость тихонько начала подниматься из глубины моего существа. Муж, очень довольный собой, кивнул. И не смог удержать улыбку. Сюрприз получился.

Я выскочила из машины, как только Влад остановил авто, и оглянулась. Муж неторопливо снимал навигатор и улыбался отражением в мутных от дорожной грязи окнах:

– Да беги уже, беги! Знаю, как тебе не терпится.

Такие места для меня – сакральны. Влад и в самом понимал, как для меня это важно, и всегда старался найти в путеводителях старинные уголки, пропитанные легендами. Несмотря на то, что мои сочинения не приносили никакого существенного дохода, он поддерживал мою особенность: напиваться концентрированным волшебством. Потом эта энергетика, переработанная где-то в глубинах того, что называется мной, превращается в сказки.

Тишина. Слепящее, но холодное солнце. Я замерла у холма, на котором необычной луковкой расположился Храм Святого духа. Облачко пара от моего дыхания смешалось с невольным возгласом удивления. Лик Спасителя с западного фасада церкви взирал на меня выпуклой мозаикой рериховского взгляда, усиленный пустыми глазницами окон. Со

Спасом нерукотворным хотелось говорить наедине, в пустоте и тишине. Выбитые фрагменты потрясающего геометрического оконного переплётá словно приближали небо к земле, храм не был чем-то помпезным и карающим. Он был своим, человеческим, так как познал страдание, унижение и насилие.

За спиной послышались шаги мужа.

– Он может понять человека, – сказала я Владу, кивая на это ни на что не похожее сооружение, которое одновременно напоминало и египетскую пирамиду, и буддистскую пагоду.

Влад кивнул.

– Ты знаешь, что храм так и не был освящён? – тихо спросил он, приобнимая меня за уже озябшие плечи.

Почему-то подумалось, что останки стен торчат из ослепительно белого снега надгробными плитами.

– Читала, – ответила я. – Княгиня Ольга Менишева и художники, поддерживающие идеи Лашкино, мечтали создать памятник, в котором бы имели место все религии. Не мудрено, что они нарушили каноны ортодоксальной церкви. Из-за этого храм и не был освящён.

Под ногами сразу закрипел загородный нетронутый снег, мы поднялись на холм вместе. Смальтовая мозаика Спаса с каждым шагом становилась все уязвимей, лик расплывался, увеличиваясь и надвигаясь, накрепко заколоченное здание храма веяло запустением. Из стены выпали кирпичи, и на их месте теперь зияли дыры.

Я хотела было заглянуть в одно из выбитых окошек внутрь, но поняла: уже знаю, что увижу там. То же, что во всех заброшенных творениях рук человека. Горькую пустоту. Ветхость и убожество.

– «Русские Афины», – произнёс как-то горько Влад.

– Когда-то были, – мне тоже было ужасно жалко эту усадьбу, в которой сто лет назад кипела творческая жизнь и искрилась надежда на прекрасное будущее.

«Холмы, белые берёзы, золотые кувшинки, белые лотосы, подобные чашам жизни Индии, напоминали нам о вечном пастухе Леле и Купаве, или, как бы сказал Индус, о Кришне и Гопи».

– Тут есть музей, – сказал муж. – Кажется, он у подножья холма, и называется «Теремок». Мило, да? Ты пойдёшь?

– А ты – нет? – спросила я, уже предугадывая ответ.

– Нет, – опустил глаза Влад. – Я лучше у Храма ещё немного поброжу. Тянет он меня чем-то. Хочу посмотреть, где тут могла быть усыпальница князя Менишева.

Влада почему-то всегда тянуло к погостам. Он любил бродить по Новодевичьему кладбищу, в Троице-Сергеевой лавре его влекли усыпальницы, в Новоспасском монастыре – места захоронения династии Романовых. Тащил меня от надгробия к надгробию, вслух зачитывая имена и даты, а я всегда покорно плелась за ним. Что поделать, Влада интересовала смерть, а меня – жизнь. В конце концов, утешала я себя, это две стороны одной медали под названием «сущее».

Оставив мужа искать предполагаемую усыпальницу князя Менишева, я спустилась с холма к «Теремку». Его главный фасад с наличниками, пылающими всеми цветами радуги, был виден издалека. На ставнях улыбалось солнце, неслись куда-то вдаль сказочные морские коньки, шумели завитки трав, спутанные ветром и дождём, и горделиво высилась любимый малютинский символ: жар-птица с красным гребешком.

Посетителей, как таковых, в музее не было, несмотря на многолюдие. Я поняла, что приехала какая-то комиссия, поэтому ходила по дому в синих шуршащих бахилах тихо, стараясь не мешать работающим людям. Было даже как-то стыдно за свою праздность.

– Драконы на навесе... – донёсся деловитый женский голос из толпы «проверяющих», – Откуда они? В нашем реестре навес выглядит иначе...

– Мы буквально вчера закончили реставрацию, – тихо пояснило мягкое контральто, явно принадлежащее одной из сотрудниц музея. – Сняли верхний слой, под грубой лепниной скрывались истинные фигуры. Вы сами можете увидеть, какие грандиозные.

Слово «грандиозные» прозвучало грустной насмешкой в этом зале. Обломки бывшего великолепия вызывали почти такую же грусть, как и храм с уникальной мозаикой и выбитыми стёклами. Драгоценные коллекции Менишевой были национализированы. То есть пропали. Всё, что осталось

целым после варварского разграбления усадьбы, кусками и фрагментами перенесли в небольшой «Теремок». Спасённые обломки мира, так много обещавшего грядущим поколениям, но так и не принятого ими. Потомкам хотелось жрать, лениться и совокупляться. Весельем они считали разрушение «культурного наследия» и пьяные танцы на обломках великой империи.

Сиротливые фрагменты красноречиво повествовали об этой отдельно взятой трагедии. Балалайки, расписанные самим Врубелем, посуда в «русском стиле», печки с керамическими образцами, балконная дверь с медведем, цветами и рыбками, панно с изображением Садко, несущегося по воле белых птиц...

Обход небольшого помещения музея занял не более получаса. Дольше всего я задержалась перед порталом двери с Георгием Победоносцем в воинских доспехах и на белом коне. У ног героя извивался пронзённый и поверженный дракон с обиженным детским удивлением на морде. У Георгия же вид был, как и положено, победоносный.

Я вышла из музея с ощущением потери, которым очень хотелось поделиться с Владом. Думаю, он бы понял меня. Но его нигде не было.

Оглянулась на крылечко, навес над которым поддерживали витые звери, чтобы издалека оценить реставрацию. То, что дама из комиссии назвала драконами, больше напоминало саламандр. Длинные и узкие пронырливые тела, несколь-

ко пар толстеньких лапок, плоские мордочки. Крыша «Теремка» покоилась на их спинах, а по центру драконо-саламандры с двух сторон держали круглый овал, похожий на зеркало. Кажется, это были огненные существа, хотя точно утверждать я бы не стала: навес ещё не прокрасили, свежая резьба тускло отсвечивала на солнце бледно-жёлтым деревом.

Сухой морозный воздух вдруг прорезал крик. Кричали со стороны храма, но настолько глухо и издалека, что не разобрать: вопль мужской, женский или вообще – стонет птица? Я резко оглянулась, но всё тот же белый снег слепил глаза, а из приоткрытой двери музея раздавалось многоголосое бормотание.

– Спокойно, – сказала сама себе. – Если ещё больше проникнешься этим местом, то будут мерещится наяву целые мистические сцены. Оставь фантазии для своих сказок.

Я всегда себе это повторяла, когда чудилось что-то странное. Например, что в темноте кто-то стоит за занавеской. Или прячется в шкафу среди моих платьев. Как правило, вся мистика оборачивалась шуршащим пакетом, залетевшим в балконную дверь, или шелестом футболок, скользящих с прогнувшейся полки. Сейчас до меня вполне могли донестись... Например, обрывки радиопередачи.

Тем не менее Влада уже найти мне бы не помешало. Стоило вернуться к храму. Но странности ещё не закончились. Как только я сделала пару шагов к холму, за спиной чей-то

шипяще-свистящий голос долго, но явно протянул:

– Беги, дево-ч-ч-ка, беги. Проссс-нул-ссс-яяя. Мы его задерж-ж-жим... С-с-спасайся...

Я обернулась, но, как и следовало ожидать, никого там не было. Кто-то плотно притворил дверь «Теремка», и даже гул голосов из него иссяк. Только драконы-саламандры в тишине равнодушно смотрели мимо меня круглыми глазами, искусно вырезанными из дерева.

– Радио, – зачем-то сказала им строго. – Это было радио... Из какой-то машины. Стоянка – недалеко.

Более настойчивый глухой, протяжный стон ухнул с холма. Казалось, что земля под ногами содрогнулась. И опять – ничего. Мгновение назад казалось, что от звукового толчка храм опрокинется с горы, а теперь опять – снег, солнце, безмолвие. И как это всё нужно понимать, скажите?

Я сунулась в сумочку за мобильником, но тут же вспомнила, что Влад до сих пор не отдал мне телефон. В поисках мужа обошла несколько раз вокруг неосвящённого Храма. Вышла к машине за ворота заповедника, она оказалась наглухо закрытой. Попробовала посмотреть сквозь окна: не заснул ли он, но стёкла были мутные, и салон просматривался неважно.

Кричать здесь было как-то неудобно, и я решила подождать Влада на том, месте, где мы расстались. К этому времени продрогла и устала. Поэтому начинала уже одновременно злиться на мужа и бояться, что с ним что-либо случилось.

А потом... Потом мне почему-то пришла мысль все-таки заглянуть в одно из разбитых окон храма. Я неуклюже вскарабкалась по строительному мусору, засыпавшему бетонный приступок, немного подтянулась на сразу мелко задрожавших руках.

И сразу его увидела. Влад сидел на полу в круге пыльного света, спрятав лицо в колени. Мне опять стало страшно. Во рту резко стало сухо и нечего глотать, как всегда бывает накануне беды. Я почему-то целую минуту не могла сказать ни слова, зависая в полном оцепенении на стене храма, расписанного Рерихом. В себя меня привели ломившие в плечах руки, которые тут же онемели и грозили больше не слушаться меня. Тогда я закричала прямо в немой провал окошка.

– Влад! Влад! Ты как там?!

Удивительно, но вопреки моим опасениям, Влад тут же вскинулся, и, шурясь от солнечного луча, залившего глаза, обрадовано крикнул в ответ.

– Лиза! Лизонька!

Когда я поняла, что висеть таким образом больше не в силах, то рухнула вниз, сообразив на лету сгруппироваться, чтобы не попасть на подозрительную кучу мусора, мимо которой взбиралась наверх. Приземлилась вполне удачно и пока отряхивалась, из того же окна вывалился Влад, чуть не сбив меня с ног.

– Зачем ты полез туда? – удивлённо спросила я, убедившись, что он цел и невредим. – А главное: почему сидел там

всё это время?

– Драконы, – вдруг выдохнул Влад. – Они загнали меня.

– Какие драконы?

С перекосившимся лицом он махнул рукой в сторону «Теремка».

– Те самые резные фигуры, напоминающие саламандр? – когда поняла, удивилась я.

– Они сказали, что больше ни один храм меня не примет. Место князя Менишева свободно, сказали они.

– Тело князя Менишева выбросили из усыпальницы сразу после революции, когда народ пришёл грабить усадьбу, – сказала я. – Ходят слухи, что крестьяне тайком перехоронили его где-то в лесу. Под берёзками. Влад, если на то пошло, то место князя свободно уже много десятилетий как. Сто лет, как свободно!

– Знаю. – согласно и уже немного раздражённо кивнул муж. – Всё это лишено какого-либо смысла...

– Ты заснул, Влад. Полез искать место усыпальницы и устал. Тебе приснилось.

– Приснилось? – муж посмотрел, как на внезапно спятившую. – Как вообще в таком месте можно было заснуть и как такое вообще могло присниться?

– Не знаю, – пожала я плечами. – Но другого объяснения у меня нет. Ты как себя чувствуешь?

– Да вообще-то удивительно нормально для всего этого.

Влад описал в воздухе неопределённый круг рукой

– Машину вести сможешь? Далеко до отеля, который ты забронировал? Лучше добраться туда, пока не стемнело.

Это место мне уже не казалось таким уж замечательным. Честно говоря, единственное, чего сейчас хотелось: оказаться где-нибудь подальше отсюда.

Он прислушался к тому, что, очевидно, происходило у него в голове, и уже уверенно ответил:

– Да, судя по всему, смогу.

\*\*\*

Вскоре вдоль шоссе потянулись редкие деревья, постепенно переходящие в густой и довольно мрачный лес. Темнота за окнами авто становилась непроницаемой, радио, попытавшись выдать несколько прерывающихся случайных аккордов, замолчало окончательно.

В лобовое стекло нашего автомобиля густо повалил снег. Влад с трудом держал машину на скользком шоссе. Нас мотало из стороны в сторону, и в какой-то момент занесло вбок, потащило, резко развернуло. Взвизгнули тормоза, Влад включил аварийку, выскочил из машины, громко и напряженно стукнув дверью. Затем сел на корточки под густо валившим снегопадом и нервно закурил.

Я вышла за ним.

– Влад, – тихо позвала мужа и опустила руку на белые хлопья, тут же покрывшие его тёмную макушку. – Хоть капюшон-то накинь.

На меня снизу вверх глянули два зелёных, пронзительных

до густой бирюзы глаза. Я отшатнулась и убрала руку. Глаза мужа были серыми, и это я знала наверняка. Незнакомец с лицом Влада, но абсолютно чужими глазами, смотрел внимательно и зло. Разглядывая, как будто видит впервые, и приходя в ярость, узнавая.

После я много раз в своей памяти возвращалась к этому моменту и никак не могла найти ответа: почему всё началось именно тогда? Что послужило «спусковым крючком» для того, чтобы появился первый демон. Пустая усыпальница князя? Тёмный лес и затерявшаяся в густых снежных хлопьях дорога? Радио, хрюкнувшее напоследок что-то вроде: «А теперь мы послушаем...»? Резкий рывок развернувшейся на скользкой шоссе машины? Страх? Отчаянье? Усталость? Всё вместе?

Искала и не находила ответа. Это просто случилось. Без всяких тревожных звонков и предпосылок. Как расплата за несколько самых счастливых месяцев моей жизни.

– Отстань! – непривычно резко сказал Зеленоглазый. – Ты совсем дура? Не понимаешь, что мы могли погибнуть?

В его голосе появились истеричные ноты. Во время наших путешествий мы не раз попадали в сложные ситуации, но муж оставался хладнокровен и относился ко всему со спокойным юмором. «Ничего страшного не случилось», – показывал всем своим видом.

Влад выбросил сигарету, которую он уже докурил до основания, но остался сидеть на корточках, теперь уже уронив

лицо в колени. Его голос доносился глухо, и я едва различала, что он говорит.

– Не могу сесть за руль. Я не справлюсь.

Захотелось его обнять, но зеленоглазая тень застыла между нами.

– Владушка, – мой голос чуть дрожал. – Ты же не раз водил машину на экстриме. И всегда оставался большим молодцом. Мы не можем сидеть на обочине и ждать, когда нас засыплет снегом. Мне холодно. Замёрзнем.

– Это всё из-за тебя! – он приподнял голову и снова сверкнул на меня бирюзовым огнём. – Какого лешего тебе понадобилась эта поездка? Я устал, я целую неделю работал. И теперь, вместо того чтобы спокойно смотреть на диване в тепле какой-нибудь фильм, должен с риском для жизни тащиться в твой дурацкий город.

– Но ты сам предложил, – удивлению моему не было предела.

– Потому что ты захотела, – заорал на меня незнакомец с зелёными глазами.

Мне показалось в темноте, что от его рта в разные стороны полетели слюни. Это было и страшно, и омерзительно.

– Хочешь ехать, веди машину сама. Больше не могу.

– Я не умею.

У меня, действительно, не было ни прав, ни желания их получить.

– Ты же знаешь, что боюсь водить.

– А я, значит, должен?! Принцесса какая нашлась! Иголочка! Я тебе, кто? Личный водитель? По первому желанию должен срываться и везти? Выкуси!

Перед моим лицом возникла большая, искусно скрученная фи́га. Над указательным пальцем торчали вздыбленные волосины. Я посмотрела на фигу, но решила пока не обижаться. Тем более что ситуация казалась какой-то ненастоящей.

– Какая муха тебя укусила? Что с тобой?

Зубы начали отбивать барабанную дробь.

– Пойдём хотя бы в машину. Там всё-таки печка.

Фига убралась от моего лица. Жить стало немного легче.

По крайней мере, не так обидно.

– Иди, иди, грейся! – тоном, не предвещавшим ничего хорошего, сказал Влад. – Принцессы должны жить в тепле, так ведь? А я не пойду. Не могу.

В интонации явно прочитывалось капризное «Замёрзну тут, назло тебе». Я заскочила в машину. Когда зубы перестали отстукивать навязчивый ритм, чуть приоткрыла дверь и сделала ещё одну попытку образумить мужа, вдруг ставшего не похожим на самого себя.

– Влад! Хватит там сидеть! Давай выпьем горячего кофе с бутербродами! У меня же есть! – радостно вспомнила я.

И полезла за термосом.

– Пей свой кофе сама, – откуда-то из холода и темноты рявкнул Влад. – Я не буду.

Открыла термос, чтобы соблазнить мужа запахом кофе. Он все так же сидел на корточках, вслушиваясь в происходящее внутри него. Когда около лица оказался открытый сосуд, из которого соблазнительным горячим паром вырывался густой кофейный аромат, он словно озверел. Внезапно ударил по термосу, и кожу на моих ладонях ошпарило пролившимся чёрным кипятком.

От неожиданности я закричала, а Влад в уже каком-то диком остервенении жажнул по термосу ещё раз, чтобы выбить его окончательно. Кофе, радостно паря, впитался в быстро таящий снег. Почему-то было очень больно смотреть, как чёрное и горячее смешивается с белым и холодным. Больно и физически, и морально.

Но Влад внезапно пришёл в себя. Всё ещё нервно, но все-таки поднялся. Хлопнул дверцей и включил зажигание. Не говоря ни слова. Машина стояла и фырчала на обочине внезапно вымершего шоссе. Я подула на обожжённые руки и подняла со снежного крошева термос. Он показался обидно лёгким. Всё в той же оглушительной тишине боком протиснулась на своё место.

Снегопад прекратился так же внезапно, как и начался. Влад тронул авто с места. Я неудобно сжимала коленями термос, боясь пошевелиться, чтобы снова не навлечь на себя гнев незнакомого зеленоглазого существа, которое расположилось вдруг в моём муже.

Мы въехали в город. Сначала замелькали домишки част-

ного сектора, потом вдруг из утреннего тумана величественно выплыл огромный храм, вкусно высившийся на горе. Как вишня на торте.

– Я хочу есть, – наконец-то прервал затянувшиеся молчание Влад. – Кажется, вон там есть магазин.

В ночном минимаркете, кроме нас, не было посетителей. Мы набрали в корзинку пышного хлеба, копчёной колбасы, немного белого сыра, и, подумав секунду, взяли ещё окорочка-гриль – уж очень румяная, по-хорошему прожаренная корочка светились сквозь покрывавшую их прозрачную плёнку. На кассе сидел симпатичный и сонный парень. Он посчитал наши покупки и назвал цену. Влад протянул ему пяти тысячную бумажку.

– Извините, у меня нет сдачи, – устало, но вполне доброжелательно сказал кассир. – Может, есть деньги мельче?

У меня были купюры помельче, и я полезла за кошельком. И чуть не выронила его, потому что раздался резкий крик Влада. Я сначала даже не поняла, что так истерично визжит мой муж. Зелёный огонь в его глазах вместе с криком отскакивал от полок и поднимался к потолку маркета. Словно крик баньши уничтожал вокруг всё живое.

Что именно кричал Влад, я потом так и не могла вспомнить. Что-то вроде: жулики так и норовят обмануть и обругать, кассиру не стоило хамить ему, Владу, потому что он, Влад, сейчас вызовет полицию, чтобы зарегистрировать мошенничество и оскорбление. Всё это он перемежал через

слово матерщиной с. доселе не замеченным мной удовольствием. Словно освобождался от чего-то тяжёлого, изнутри давящего на него, переваливая груз на тех, кто находился рядом.

Ещё одна, теперь уже совершенно необоснованная истерика? Может, муж заболел?

– Влад, – я тронула за рукав куртки, он грубо дёрнул рукой:

– Ну, что ты владкаешь? Иди ты со своим владканьем, знаешь куда?!

Под этим криком кассир судорожно достал, очевидно, личное портмоне и торопливо отсчитал сдачу. Муж удовлетворённо хмыкнул, собирая мелочь, подхватил покупки и пошёл к машине. Я все ещё в шоке поплелась за ним. Просто представления не имела, о чём можно говорить в такой ситуации. Если бы я попала под шквал неистовых ругательств постороннего человека, просто навсегда исчезла бы из радиуса его воздействия. Как быть в подобной ситуации с собственным мужем, представления не имела. Было стыдно перед доброжелательным парнем.

Навигатор, направляя наше авто по извилистым закоулкам, вывел к двухэтажному коттеджу. Светом от фар высветило адрес на высоком заборе: тот самый дом, который нам был нужен.

– Посмотришь? – даже слегка весёлым голосом, словно ничего не произошло, спросил меня Влад.

Вылезать из тёплого салона не очень хотелось, но я кивнула. Ещё день назад могла покапризничать и попытаться поменять эту вылазку на поцелуй, но сейчас во мне расплзлся липкий страх. Не знала, какие слова могут вызвать очередной взрыв истерики.

После тщетных попыток вызвонить кого-нибудь в пимпочку звонка на воротах, я тронула створку. Ворота отворились, явив тщательно расчищенную от снега дорожку. Дверь в коттедж оказалась такой же, как всё здание: узорчатой и новой. Во влажной набухлости воздуха витал запах свежеструганного дерева.

Но заходить в этот с любовью обустроенный дом я вовсе не спешила. Что-то удерживало меня на пороге, наверное, странная тишина, которая ощущалась даже через стены. Я собиралась позвать Влада, но удержалась. «Опять орать начнёт», – промелькнуло на периферии сознания.

Оказалось, что неожиданные истерики мужа пугают меня сейчас больше, чем мёртвая тишина в окнах чужого дома. Я толкнула дверь, и она отворилась сама собой, так же, как и ворота до этого. Теплом полыхнуло из просторного холла.

Мягкий свет от множества электрических лампочек, gleзующих из-под потолка, обтекал несколько пузатых диванов и большой стол – непереманные атрибуты любого холла, так же, как и распластавшийся по стене телевизор. Экран безмолвно мелькал картинками, кажется, при выключенном звуке шли какие-то новости. Вещи выдвинулись вперёд, за-

слоняя почти потайную лестницу, ведущую наверх, очевидно, в спальные номера.

– Привет! Есть кто здесь?! – наконец-то догадалась крикнуть я.

Ответом была всё та же тишина. Я ещё немного потопталась на пороге, заглянула в просторную кухню, за которой угадывалась прачечная, и даже слышалось тихое, мерное гудение стиральной машинки. Настолько монотонное, что сливалось с тишиной. Чайник на кухонном столе был горячий. Тут же маячили банка с растворимым кофе и сахарница, словно специально выставленные для нас. И две чистые кружки с весёлыми красными пятнами на белом фоне, и две чайные ложечки.

Я вернулась в холл и ещё несколько раз послала в никуда свой беспомощный «Привет!». Тишина, преследующая меня всю дорогу, в этом доме уже конкретно угнетала.

Кто-то сзади положил мне руку на плечо, и я непроизвольно вскрикнула. Влад поморщился:

– Да я это, я, перестань вопить.

– Влад, – пролепетала я, – тут, кажется, совсем никого нет.

Мы одни в этом отеле.

– Замечательно! – серые глаза моего мужа опять внезапно полыхнули зелёным огнём. – Никто не будет нам мешать, а за номер мы все равно заплатили. Пойдём выбирать тот, что нам больше понравится.

Он весело, но как-то совершенно не похоже на себя, под-

мигнул мне. Как-то... Похабно. Не игриво, не интимно, как раньше. Именно похабно, как пьяный матрос уличной девке. Словно мы были совсем незнакомы.

На втором этаже оказалось пять небольших, подготовленных к приезду постояльцев номеров. Все комнаты были гостеприимно распахнуты, все кровати застелены свежим бельём. В душевых комнатах стопками лежали свежие полотенца всех размеров и предназначений.

– Вот видишь, – сказал Влад, бухнувшись на кровать в угловом номере. – Нас здесь ждали.

Я немного помялась:

– Мне как-то не по себе.

– Почему? – спросил муж, уже прикрыв глаза.

Чувствовалось, что он действительно вымотан и от дороги, и от чего-то, не дающего ему покоя изнутри.

– Где хозяин? Где остальные постояльцы? Почему здесь все нараспашку?

Влад недовольно сел на кровати:

– Ты предлагаешь ночевать в машине?

Я отрицательно покачала головой. Ночевать в машине было выше и моих сил.

– Ну, тогда – всё. Располагайся, пока машину во двор загоню. Там ворота тоже не закрыты на замок. Я проверил.

Влад нехотя поднялся и вышел, а через несколько минут со двора послышался скрип ворот, а затем урчание мотора. Я скинула свою бежевую пуховую куртку, объёмный шер-

стяной шарф крупной вязки, затолкала в рукав шапочку с помпончиком. Разворошила пакет, который захватил с собой Влад, выложила на журнальный столик и колбасу, и хлеб, и окорочка. Обрадовалась, когда обнаружила, что мы купили ещё и печенье, о котором я забыла.

Лучше поужинать с горячим чаем или кофе, но тащить вниз всю эту снедь... Не то, чтобы я устала, хотя и это тоже. Честно говоря, становилось неуютно от мысли, что придётся пить из чайника, который неизвестно кто подогрел перед самым нашим приходом. Под беззвучное мелькание картинок телевизора, который тоже был включён непонятно кем. Не нашлось бы такой силы, которая заставила бы меня протянуть руку к пульту и погасить экран.

Чувствовала я себя, как Машенька, зашедшая в пустой домик трех медведей. С одной лишь разницей в том, что я испугалась заранее, не дожидаясь призрачного хозяина. Который, кстати, с такой же вероятностью мог оказаться и медведем.

– Вот дерьмо! – на пороге стоял Влад, обжигая меня бирюзовым взглядом.

У него был вид глубоко пьяного человека. Ещё сутки назад я бы посмотрела на эту картину маслом с удивлением, но теперь только вжала голову в плечи.

– Дерьмо! – смачно и с удовольствием повторил Влад, и стукнул кулаком по столу. Все наши припасы, которые я выложила на этот стол, разлетелись в разные стороны.

– Зачем ты так? – все-таки пискнула я.

– Не делай всё мне назло!

На самом деле, мой муж употребил гораздо более грубое слово.

– Ты в магазине кинулась на защиту поддонка, который нахамил мне и пытался обмануть!

– Он не сказал ни единого грубого слова! Это ты кричал, как сумасшедший. Мне было стыдно! Первый раз в жизни мне за тебя было стыдно, – я тоже сорвалась на крик, потому что не поддаться этому безумию было невозможно.

– Ты... – мне показалось, что от Влада вязко и тошнотворно потянуло перегаром.

«Где бы он успел выпить? Он же весь день и весь вечер за рулём. Он только что был абсолютно трезвый!». Пьяное безумие из глаз Влада тут же исчезло.

– Ты только и ждёшь, чтобы унижить меня. Я кажусь тебе жалким?

Он схватил меня за руку.

– Скажи, падла, я – жалкий?

– Это сон, – пробормотала я ему в лицо, – это просто дурной сон.

Не слушая моих лепетаний, Влад потащил меня к двери, распахнул её и сунул мне в руки мою куртку и сумочку.

– Убирайся с глаз моих, дрянь!

Мне действительно захотелось немедленно убежать отсюда. Куда угодно, только бы не видеть и не слышать бреда,

который наращивал обороты. Доберусь до автобусной станции на такси, вернусь домой. А там, в привычной обстановке, кошмар рассеется. Но я почувствовала, что сумочка гораздо легче, чем обычно, и уже скорее по многолетней привычке раскрыла её.

– Влад, – сказала я растеряно, – а где мой кошелёк, ключ от дома и телефон?

– Фигу тебе! – заржал зеленоглазый незнакомец с лицом Влада похабным смехом. – Добирайся, как хочешь, а я посмотрю. Увидим, кто кого не достоин. Узнаем, кто за кого теперь будет заступаться в маркетах.

Я начала говорить, как с тяжелобольным или маленьким ребёнком, тщательно и ласково выговаривая каждое слово:

– Но на улице ночь, как же я пойду и куда? Без денег, телефона и ключей от дома?

– Вот-вот, – опять раздался гогот, в котором явно ощущалась некая смесь лошадиного и трактирного. – Валяй, топай отсюда.

И муж двинулся в моём направлении, а так как его намерения были непонятны, но не сулили ничего хорошего, я выскочила в коридор. Тут же нырнула в ближайшую открытую комнату. Слава богу, она закрывалась изнутри. Влад (или то, что жило в этот момент в моём ироничном, светлом, интеллигентном Владе) несколько раз бухнулся всем телом в закрытую дверь и успокоился. Из коридора раздались удаляющиеся шаги, и стало пронзительно тихо.

Сердце колотилось так, что казалось: уж точно в эту ночь не усну. Но стоило коснуться головой подушки, как сразу провалилась в тяжёлый сон. Одетая, с курткой и сумочкой, которые так и не выпустила из рук, я уснула на кровати в отеле призрачного хозяина. Одна, больше всего на свете бо-  
ящаяся и ненавидящая любимого мужа.

Проснулась через несколько часов, в окне всё ещё стояла темень. Прислушалась к тишине в коридоре, встала и подошла к двери. Чуть приоткрыла её, стараясь не издать ни шороха, коридор был тёмным и пустынным. Только откуда-то снизу доносились невнятным гудением голоса. У меня возникло ощущение, что собеседника два.

На цыпочках прошла к лестнице, в любой момент готовая опять ускользнуть в комнату, которую про себя уже называла «своей». Чуть свесилась вниз, прислушалась.

Разговаривали, действительно, двое. Я узнала голос Влада, обычный, только напряженный, второй напоминал юношеский. Он словно ломался, срывался то в хрипотцу, то в визгливые нотки.

– Оставь её в покое. – Настойчиво сказал голос Влада. – Тебе не хватило в прошлый раз?

Юнец похабно заржал, и, клянусь, этот смех я уже слышала сегодня. Только смеялся так непривычно мой муж.

– Да ладно, ты че?! Тут же как специально пусто сегодня! Отчего бы нам не оторваться по полной?! Можно и Генриха позвать, он такое ситуации очень любит. И благодарен тебе

будет, сам знаешь как. А быть кредитором Генриха – это спасает от множества неприятностей, так ведь?! Та-та-да-дам! Бонус!

– Это ты всё подстроил? – все так же тихо, но твёрдо спросил Влад.

– О чём ты? Меня здесь не было, и ты это прекрасно знаешь, – юноша перестал ржать, но теперь уже мерзко хихикал.

По этому хихиканью я живо представила, какая у него прыщавая, нечистая физиономия и блудливый взгляд.

– Где хозяин? – мой муж прервал хихиканье мальчишки.

– У хозяина появились срочные дела! – судя по всему, юнец совершенно не боялся Влада, хотя в голосе мужа появилась угроза.

– Какие дела?

– Тебе-то что? Какие-то важные. Главное, отель-то – пуст! Можно делать всё, что угодно, никто её не услышит. Обещаю, что после того, как мне будет достаточно, я оставлю тебя в покое. Ненадолго, но оставлю. А если мы ещё и Генриха позовём! Только без Берты, ладно?

«Почему Влад просто не пошлёт пацана подальше?» – подумала я. – «Ему же явно не нравится этот разговор».

– В общем...

Я чувствовала, как муж выпятил вперёд челюсть и говорит сквозь плотно сжатые зубы:

– Ты. Сейчас. Уходишь. Мы. Не. Будем. Отрываться. Ни по полной, никак вообще. Хватит с тебя на сегодня.

Я почувствовала, что муж поднимается с места, и шмыгнула вглубь коридора к комнате.

– Пожалеешь же! – теперь отчётливо весёлый, хоть и чуть обиженный голос мальчишки был слышен и отсюда. – Тебя же самого на куски рвать начнёт!

– Перетерплю! – крикнул ему на ходу, уже поднимаясь по лестнице, Влад.

Затем я все-таки шмыгнула в комнату и опять плотно затворила за собой дверь, уже не беспокоясь, что меня кто-нибудь услышит. К моему убежищу подошёл Влад.

– Лиза! – позвал он тихонько, и я затаилась, чуть дыша. – Ты спишь?

Конечно, промолчала. Он потоптался немного под дверью, затем с каким-то полным вселенской скорби вздохом произнёс: «Родная моя, любимая!». Через минуту в конце коридора захлопнулась дверь.

А я опять упала на кровать, и – верите или нет, – но проспала без всяких снов теперь уже до самого утра.

Когда, проснувшись, я вышла в коридор, первое, что увидела – это серые весёлые глаза Влада.

– Соня засоня, – пропел он совершенно обычным голосом и улыбнулся самой широкой своей улыбкой. – А ты чего в другом номере ночевала?

– Как? – удивилась я, каким-то седьмым чувством понимая, что сейчас можно не бояться. – А ты... Не помнишь?

– Да я свалился как подкошенный, даже перекусить не

успел. Голодный, аки стая аллигаторов. Проснулся – тебя нет. Думал, уже кофе внизу пьёшь. А ты тоже только встала!

– Влад! Притворяешься? Думаешь, я забыла, как ты вчера себя вёл? И на дороге, и в магазине, где ты обругал кассира.

При упоминании о кассире глаза Влада вдруг стали наливать опасной бирюзой, и я, наученная горьким опытом, вдруг отбросила мысль говорить сейчас о том, что не давало мне покоя.

Быстро сказала:

– Я пошутила. Ты храпел. Просто невыносимо храпел. Пойдём пить кофе.

И мы спустились вниз, прихватив с собой разбросанные по комнате печенюшки и окорочка. Влад вёл себя как ни в чём не бывало, ну и я тоже сделала вид, что ничего особенного не происходит. Включилось чувство самосохранения.

Хотя бы потому, что у него до сих пор были все мои деньги, ключи от дома и телефон.

На кухне было всё так же пустынно, но чайник был горячим, а к кофе и сахарнице прибавились тарелки с маленькими круассанами и маслénка. В дневном свете жуть прошедшей ночи исчезла, остался только лёгкий привкус недоумения. Мы даже с удовольствием позавтракали. И Влад стал самим собой, как прежде, с ним было весело и приятно до головокружения.

Я протянула ладонь через стол, дотронулась до его лба.

– Ты чего?

– Прохладный, – пожалала я плечами. – Мне показалось ночью, что у тебя поднялась температура. Как будто ты не в себе...

– И в самом деле чувствовал себя неважно, – признался Влад. – Не хотел говорить, но мне было паршиво. Сейчас всё в порядке.

Я помыла чашки, пока он грузил наши вещи в машину. Притормозила на пороге, натягивая шапку, когда в дом вошёл плечистый высокий мужчина в куртке защитного цвета. На куртке красовался знак «МЧС».

– Здравствуйте, – улыбнулась я. – Вы...

– Я хозяин отеля, – виновато произнёс он, – извините, что не смог встретить. Срочно вызвали по службе. Жуткая авария, всю ночь дыры латали.

– Ничего страшного, – вежливо ответила я. – Кстати, спасибо за круассаны.

– Какие круассаны? – взгляд человека, который не спал сутки.

– Утром. Свежая выпечка. Очень вкусно.

– Я только что пришёл, – опять же устало произнёс хозяин. – И ничего не знаю про круассаны. Если хотите, я верну часть денег за несостоявшийся завтрак...

– Не стоит, – обречённо ответила я. – Всё в порядке.

И в самом деле – по факту мы съели обещанный в преискуранте завтрак...

Влад закрыл широкие ворота и вернулся в машину.

– Итак, куда мы отправимся сегодня? Кроме усадьбы, тут ещё есть...

Я тихо ответила:

– Мне хочется домой. Поедем домой?

Машина тронулась. Влад пребывал в прекрасном расположении духа. Шутил, как обычно, мурлыкал обрывки каких-то песенок, иногда взглядом приглашая меня присоединиться к своему вокалу. Я молчала, хотя сидеть такой надутой мне самой не доставляло ни малейшего удовольствия. Но как-то не веселилось. Обидно, что после вчерашней истерики муж весело крутит руль и мурлычет себе под нос какую-то песенку. Влад собирался получить удовольствие от путешествия, отравив мне желание радоваться и воздух, который теперь вызывал тошноту. Это было слишком.

Дорога вывела за околицу. Храм, высившийся над городом массивными куполами, остался за спиной, и я почему-то обрадовалась, когда он скрылся из вида. Отныне этот ни в чём не повинный храм останется у меня в памяти, как точка невозвращения.

Всю долгую и тихую дорогу домой я незаметно разглядывала Влада, ставшего вдруг кем-то незнакомым. До сих пор, стоит мне закрыть глаза, я вижу его именно такого, и пульс учащается.

На его лице – мягкое спокойствие, отсвет розоватого заката от серых снежных заносов по обочине шоссе. На правой щеке, обращённой ко мне, откуда-то появилась ямочка, ко-

торая делает его похожим на мальчишку. Припухлые губы и взъерошенные волосы – если бы не двухдневная небритость, я бы дала ему в тот момент лет пятнадцать.

– Вот каким ты был, – мои слова тонут в мерном гудении мотора, настолько тихо, одними губами они произнесены. – В пятнадцать...

– Что? – он немного развернулся ко мне. – Ты что-то сказала? Я не расслышал.

– Сбавь скорость, – торопливо произнесла я. – Ты опять попадёшь на камеры. После прошлой поездки штрафы пришли огромные.

Почему-то я стеснялась признать, что разглядывала его. И... Мой пульс при этом учащался, а дыхание перехватывало. После его вчерашних истерик это казалось чем-то диким и несвоевременным.

– Да плевать на их штрафы, – даже в его голосе чувствовалась подростковая безбашенная дурость.

Он улыбнулся, глядя перед собой:

– Скорость, детка, вот что важно...

Тупая фраза. Влад никогда не говорил мне это пошлое до тошноты «детка». И всё-таки моё сердце опять замерло. На мгновение показалось, что мы оба – и в самом деле дети, тайком взявшие у родителей машину покататься. Когда главное «скорость, детка», а на всё остальное и в самом деле плевать.

Он вдруг повернулся, чтобы, чуть наклонившись, поцеловать меня в щёку.

– Дорога, Влад! – мне стало страшно.

– Остановимся? – хрипло предложил он, и авто и в самом деле резко затормозило.

Влад, торопясь, отстегнул свой ремень безопасности, который словно змея с тихим шипением исчез под креслом. Я хотела возразить, но он не дал мне сказать ни слова. Одной рукой ещё плотнее прижал ремень на моей груди, не давая пошевелиться, другой схватил за шею. Очарование, убыстряющее мой пульс ещё несколько минут назад, резко пропало.

– Мне больно, – выдохнула я прямо в его губы, перекрывшие возможность дышать.

Поцелуй был чужим, незнакомым. Неопытным, а от этого – болезненным, сорвавшимся с катушек, словно мстящим за долгое воздержание. Тридцатилетний мужик, которым и был мой муж, не мог в одно мгновение стать таким угловатым и неопытным.

– Что за чёрт? – выкрикнула я, отчаянно уворачиваясь от зубов, больно царапающих мою щёку.

Он замер на мгновение и вдруг с каким-то хлюпающим стоном отпрянул:

– Ты любишь меня, Лиза?

Тон его голоса изменился. Это опять говорил мой муж со знакомыми интонациями, только словно откуда-то издалека, со стоном выдыхая звуки. И тело среагировало на голос, произносящий моё имя. На то, КАК он его произнёс. Пере-

хватило горло, и я, забыв про всё и вся, просто кивнула. Это была правдой. Я любила Влада. С самого первого мгновения. И мимолётная истерика не могла так просто перечеркнуть необъятную, как море, и высокую, как небо, любовь. Так же, как и странный разговор, который я слышала ночью. И нелепое падение в неосвящённый храм. Конечно же, такие мелочи не могли перечеркнуть то, что я к нему чувствовала. Поэтому лучшее – просто забыть, как ночной кошмар.

Влад наклонил голову и улыбнулся, словно прочитал мои мысли. Натяжение ремня, пережавшего кислород, ослабло. Его рука проникла под шарф и осторожно заскользила по открывшейся шее. Двинулась ниже и замерла, сжав грудь, сквозь которую колотилось сердце. Кончик носа коснулся моей щеки.

– Если любишь, то не сдавайся...

## Глава третья. «Лиза, это дом. Дом, это Лиза»

Всех аштаракских детей по утрам «спускали с горы». Тех, что постарше, собирал школьный автобус, а малышей сами родители отвозили в детский сад. Это казалось неудобным: то, что и сад, и школа, и вообще все культурные и не очень учреждения находились в городишке у подножья горы. Но сами аштаракцы даже гордились отдалённостью их домов от цивилизации и сопутствующих ей издержек.

– Для наркоманов или воров наша деревня слишком труднодоступна, – в первый же день пояснила Тея, просто подпирая камнем дверь, чтобы та случайно не распахнулась от сквозняка.

В доме никого не оставалось, а Тея даже не удосужилась повернуть ключ в замочной скважине.

– Мало кто заберётся так высоко на гору, – засмеялась она, увидев мой недоумённый взгляд. – А я всё равно уже и не помню, где ключ...

Я не поверила ей, думала – шутит, пока не убедилась, что в Аштараке и в самом деле никто не запирает дверь. Мама рассказывала, как в её социалистическом детстве ключи оставляли под ковриками у входа, но с тех беззаботных, по её воспоминаниям, дней сменилось уже не одно десятилетие.

Подъезды за это время затянулись бронёй и обросли домофонами, а такое понятие, как деревянные двери, кануло во тьму веков.

Поэтому Аштарак сразу показался мне островком безмятежности вне времени и – немного – пространства. Я не ошиблась, когда, повинувшись неясному зову интуиции, выбрала именно его своим убежищем. Даже ничего не зная об этом месте, кроме того, что здесь живут Тея и Алекс.

Аштаракские дети уезжали рано утром, я ещё крепко спала. Поэтому открыла глаза, только когда услышала крик с первого этажа:

– Лиза, я ушла. Завтрак на столе, кофе я намолола, сама сваришь.

Соскочив с кровати, я босиком и в пижаме кинулась к лестнице и прокричала, перегнувшись через перила:

– Ты куда-то уходишь?

– Спускаюсь в город за продуктами. Тебе что-нибудь нужно?

— Я пойду с тобой.

Тея улыбнулась:

– Отдыхай пока. Не успеешь собраться, автобус будет через пять минут. В следующий раз поедем вместе. Так тебе что-нибудь купить?

Я на секунду задумалась.

– Купи мне...

Мне очень захотелось, чтобы Тея мне чего-нибудь купила.

На самом деле я жаждала внимания и заботы.

– Кондиционер для волос. А то я просто шампунем голову мыть не могу. Мне обязательно нужен кондиционер.

Тея кивнула в знак согласия и тихо выскользнула за дверь. Через несколько минут просвистело чихание пригородного автобуса, и всё опять погрузилось в самую тишайшую тишину. Даже кошки, обычно топающие по дому как стадо бизонов, затихли, развалившись на половицах веранды в пятнах солнечных лучей.

Я осталась одна в доме, если не считать задремавших кошачков – Армстронга и Джаз. И поняла, что пришло время представиться по всей форме. Дом наблюдал за мной, пока отсыпалась и приходила в себя. А теперь требует отчёта, кто я такая.

Как была – в пижаме, только надев пушистые розовые тапочки, – пошла обходить старое пространство, дотрагиваясь руками до стен, поглаживая кончиками пальцев перила и впуская его внимательный взгляд в душу.

Дом был двухэтажным, большим, покосившимся от старости. Ноздреватые, пенящиеся лопнувшей штукатуркой трещины прорезали могучее здание. Время, дожди и ветра скомкали его оболочку, набросали едкие зелёные пятна мха и плесени на стены, перекосили оконные рамы и дверные проёмы. Но дом не сдавался. Это был могучий, всё ещё надёжный старик, утопающий в заросшем саду, который он вырастил и за которым внимательно приглядывал. Словно на-

поминал деревьям: «Я же помню, как вы пешком под стол ходили!».

Держал древней силой и перекошенную литую калитку, и навес, обвитый трепетной лозой, и каменные глыбы, что крепили ползущий овраг. Раскинулся в ложбине со всеми постройками и садом, растрескавшимися ступенями, которые уводили вниз к ярко разрисованному входу.

У Теи и Алекса гостила недавно Хана, знакомая художница, приехавшая в Аштарак, чтобы «вдохнуть заряженной на добро атмосферы». Всё, до чего она смогла дотянуться, Хана украсила картинками – яркими и странными на фоне обветшавших стен. Дом позволил ей это сделать. Как бабушка, снисходительно разрешивший внучке нацепить бантик на свою всклокоченную бороду.

На входной двери, придавленной камнем, большие оранжевые ящерицы настороженно выглядывали из зарослей невиданных растений, распластавшихся по створкам. Растения, кстати, тоже были оранжевыми, и чёрные глаза пятнистых гекконов казались особенно пронзительными на бурном рыжем фоне.

Я подмигнула нарисованным ящерицам:

– Перезимуем здесь, верно?

Они молчали, не отрывая от меня круглых строгих глаз.

– Вы не можете убежать, а потому так печальны? – спросила я, немного подлизываясь к картине.

Привычка извиняться, казалось, уже навсегда окрасила

мой голос виноватым тоном. Несмотря на все усилия не упасть в ощущение беды, я снова и снова скатывалась туда. Всё моё существо стремилось вновь радоваться любым проявлениям жизни. Но слишком долго я пребывала в засасывающем безвременье чужой душевной болезни. Выход из этого состояния был тяжёл и мрачен.

– Я, в отличие от вас, могу убежать, куда угодно, но не в состоянии избавиться от боли, которая впиалась в меня стойкими красками, – я выбрала одну из ящериц, и обращалась к ней.

Так было... Душевнее, что ли...

– Дьявольское тавро, которое Влад выжег в моей душе. Знак принадлежности к тьме. Я не люблю себя такую. И так больно от этой нелюбви...

Ящерица словно передёрнулась от моего трагического пафоса. Хотя, конечно, это просто сквозняком колыхнуло непрочную дверь. Честно говоря, мне самой было противно от стенаний. В мире столько же радости, сколько и горя. Когда что-то одно перевешивает в человеке, он становится невыносимым.

Но в тот момент, когда дёрнулось юркое туловище рыжего геккона, я вдруг вспомнила маленьких драконов на навесе «Теремка». Нет, они не были так уж сильно похожи, но что-то...

Брось! Даже если Хава собиралась изобразить саламандр, чего бы огненные духи забыли в густых зарослях травы? А

я уже явно слышала приглушенный шелест диковинных листьев, словно картина незнакомой мне художницы потянулась ко мне, желая утешить и помочь.

– Посмотри на этот Дом, – пронеслось у меня в голове. – Этому Дому – с большой буквы – больше ста лет. Он стар, он болен, он разрушается. Но этот Дом могуч какой-то внутренней силой, и все слушают его. За что он держится? За небо. Учись держаться за небо, за горы, за море, за воздух, за огонь. Сначала это очень трудно, но ничего не даётся без труда. Смотри на открытый огонь, когда станет совсем невыносимо. Хватайся за воздух. Когда научишься, поймёшь, что огонь не ранит, а греет. Воздух не давит, а сгущается, помогая держать груз проблем. Станет легче. Учись держаться за огонь и воздух. Хотя бы потому, что тебе просто больше не за что держаться.

Я не успела удивиться странным мыслям.

Старый Дом вдруг замер, словно призывая услышать что-то важное. С улицы донеслись взволнованные голоса. Звук катились с вершины оврага, кажется, с автобусной остановки, отгороженной высокими деревьями с густой листвой. Двор и меня в нём говорящие не видели, я же прекрасно слышала каждое слово. Хотя не всё понимала.

– Шу сар? Инч патаэц? – спрашивала женщина. – Почему это произошло сейчас? Сатанан тани! Андак майя?

– Ле. Но Ануш сказала, что не стоит волноваться. Куллю тамам. Это ненадолго.

– Ян не сможет сегодня отправиться в горы. Он сломал ногу, и сразу вся деревня проснулась ночью от зова. Ты думаешь – простое совпадение? И сколько нам сидеть без воды? Ма нэфгэмш...

Да, кстати. Воды в доме не было, я поняла это, когда попыталась умыться.

Женские голоса вдруг убавили громкость.

– Всё случилось сразу после зова. Зачем Ануш говорит, что это не связанные между собой вещи?

– Затем, что нам давно уже обещают централизованное водоснабжение, – язвительно произнёс голос более благоразумный. – И именно потому, что мы часто остаёмся без воды. Зависим от настроения гор.

– Этот случай не имеет ничего общего с настроением гор. Так или иначе, он пришёл. И Ануш связана с зовом, и ты это знаешь.

– Нет, чэ гитэм! Я вообще не хочу вмешиваться в дела Ануш. Если она сказала, не волноваться, чем узум хоранам. Чем узум кез лъсэл!

– А я – да. И очень боюсь того, что может произойти. Тебе легко говорить – с двумя маленькими сыновьями. Миш айза... У меня все-таки дочь, и Дадик с раннего утра до позднего вечера крутится на рынке...

Голоса разом умолкли. Вслед за резко наступившим молчанием раздалось фырчание подходящего к остановке автобуса, взвизг тормозов, Теино звонкое «Здравствуйте», и

опять затихающее в конце улицы «фыр-фыр-фыр».

Я побежала к калитке встречать подругу. Тея на ходу достала кондиционер для волос и весело-дразняще покрутила яркой баночкой перед моим носом.

– Не забыла, не забыла, – пропела она.

Я выхватила у неё из рук баночку и тут же печально вздохнула.

– Воды нет. И тётки на улице говорили: что-то случилось в горах, и какая-то Ануш сказала, что воды долго не будет, но волноваться не стоит. И не смотри на меня так, да, я подслушивала. Лучше объясни, почему из-за того, что ночью кто-то дул в охотничий рог, у нас теперь нет воды. И при чем тут горные обвалы?

– Вот же суеверные! – засмеялась Тея. – Не при чем тут никакой звук рога. А вот обвалы...

Мы вошли в Дом, и Тея продолжала рассказывать, уже разбирая покупки на кухне:

– Во время ливня дождевые воды в горах собираются в специальный резервуар, а потом оттуда по самодельным трубам идут в деревню и распределяются по домам. Очевидно, где-то произошёл то ли обвал, то ли камнепад, который повредил эту систему. Такое редко, но случается. Чтобы найти повреждённый участок, нужно идти по всей трубе в гору. Это далеко и трудно. А наш главный «специалист по проверке» сломал ногу, поэтому всем придётся сидеть без воды и ждать, пока Ян поправится.

Тея хлопнула дверцей холодильника.

– Алекс уже порывался проверить, – продолжала она, – но местные сказали, что он не сможет прийти. Заблудится. Уж не знаю, почему так сказали. Он, вроде, не такой уж бестолковый. Может, конечно, я ослеплена любовью и вижу его в исключительно сияющем свете, но...

– Нет, нет, – успокоила я её. – Он совсем не бестолковый, а даже наоборот... Только...

Мысли настойчиво возвращались к подслушанному разговору.

– Только почему они с таким придыханием говорили про эту Ануш?

– Это как раз совсем не удивительно, – засмеялась Тея. – Ануш – сердце и кровь деревни. К ней стекается вся информации, и она распределяет жизненные потоки. Скрывает в себе деревенские тайны, и знает всё обо всех. Мне кажется иногда, что она – нечто большее, чем местная аборигенка. И что она просто включает дуру, когда притворяется бестолковой сплетницей. Что-то в ней есть такое... Иногда жутковатое. Но я просто её не очень хорошо знаю.

– А сколько ей лет? – спросила я.

– Это тоже сложно сказать. Думаю, за сорок. Или даже больше. У неё есть маленькие внуки, это точно. А иногда мне кажется, что не больше тридцати...

– Как так? – я впервые слышала про женщину, которая может выглядеть с разбросом в двадцать лет.

Нет, конечно, некоторые женщины говорят такое про себя, но это они сами так думают.

– А вот так, – улыбнулась Тея и полезла в шкаф за влажными салфетками. – Тебе просто нужно самой увидеть. Тогда поймёшь.

– Может, она действительно какое-то ирреальное существо? – я ухватилась с удовольствием за новую страшилку, которая могла бы превратиться в сказку, – если даже возраст невозможно определить? Может, она что-то вечное?

– Опять выдумываешь. Семья Ануш живёт здесь с начала времён. Они очень уважаемые старожилы. Какое существо? Её тут с пелёнок знают. В отличие, кстати, от нас. Это мы тут не совсем опознанные существа. Наверное, очень для всех таинственные. Или даже жуткие и ужасные.

Тея сделала страшные глаза.

– Впрочем, – она рассмеялась, и страшные глаза исчезли, – думаю, что жители Аштарака уже все знали даже про тебя, ещё три дня назад, как только твоя усталая нога переступила незримую границу их владений.

– Откуда? – удивилась я.

– Представления не имею, – Тея пожала плечами. – Только с нами так и было. Не успели мы переехать, как поняли, что от Аштарака у нас секретов нет.

– А как вы вообще сюда забрались?

– Сюда сначала семья Джен выдвинулась. Корни у её бабушки здесь какие-то давние. А мы приехали в гости, ну и

чтобы помочь Джен с Эриком, который готовился родиться. Сразу и влюбились в это место. Алекс работу быстро нашёл, а Ануш...

– Опять Ануш?!

Эта женщина получалась всегда замешанной во всём.

– Да, представь себе. Именно Ануш сорвала наше объявление на стене магазина и позвонила. Сказала, что у её родственника пустует дом. Родственник новый построил, это-то совсем на ладан дышит, ну ты видишь, а нам, пока на своё жильё не заработали, сгодится. И аренду мы не платим, просто присматриваем, чтобы совсем не развалился. Ты же знаешь мою детскую мечту: большой уютный дом, где могли бы собираться наши друзья, и всем бы хватило места. Если не считать того, что дом осыпается, мечта практически осуществилась.

В большом промышленном городе Алекс с Лией ютились на двенадцати метрах коммунальной квартиры.

– Дом этот живой, – сказала я тихо. – Просто стар. Но ещё крепок.

Тея просто кивнула.

– Я надеюсь, тебе здесь будет хорошо...

Она внимательно посмотрела на меня:

– Лиз, я больше не могу молчать. Ты приехала в ужасном состоянии. Вся в холодном поту, глаза воспалённые, ввалившиеся. Такие тени под ними, черные-черные. Мы тебя сразу положили спать, и ты спала сутки. Ночью кричала жутко, я

тебя будила, поила водой с валосердином, ты пила, засыпала и опять кричала. О каких-то чудовищах, которые преследуют. О том, чтобы Генрих оставил тебя в покое. Кстати, кто такой этот ужасный Генрих?

– Уже никто, – махнула я рукой. – Очень надеюсь, что уже никто.

– Ладно, допустим... Ты потеряла телефон и попросила никому, даже твоему папе и мужу не сообщать, что ты у нас. Вздрагиваешь и боишься чужих людей. Забываешься в самый дальний угол, когда соседи заходят в наш двор. Лиза?!

– Это социофобия, – пролепетала я. – Просто такая болезнь. Нервы. Несколько дней в тишине и спокойствии – всё пройдёт.

Я не хотела ничего скрывать от Теи. Просто... Просто всё ещё не хотела перекладывать на неё груз своих проблем. Мне хватит нескольких дней. Я никогда не говорила Владу о Тее и Алексе. А если он не найдёт мои следы, то даже смогу перезимовать тут. Тогда всё и расскажу. Позже.

– Понимаешь, – я пыталась быть убедительной. – Когда ко мне подходит незнакомый человек, меня охватывает страх: он не настоящий. Что это какое-то чудовище, которое влезло в симпатичную оболочку. Особенно я боюсь незнакомых мужчин. Когда ко мне обращается кто-то чужой, меня пробивает холодный пот, руки и ноги становятся ватными, горло перехватывает спазм. Да не смотри на меня так! Сама понимаю, что это полная чушь, с чудовищем. Глупость полная.

Но что я могу с этим поделать?

– А как ты вообще сюда добралась? В таком-то состоянии...

Билет я брала по интернету. Один раз, не помню, где именно, мне стало очень плохо. Может, в самолёте, может, на улице. Даже, кажется, потеряла сознание. Кто-то сунул мне под нос ватку с нашатырём, я очнулась. Но лица вокруг сливались в одно серое пятно, не знаю, кто это был. В смысле, кто привёл меня в чувство. Я просто шла, шла, шла дальше. Куда-то садилась, кому-то показывала билеты, паспорт. На каком-то автомате. Вообще плохо помню, как добралась.

Только как забились в самый дальний угол электрички. После мучительного шума аэропорта наслаждалась пустотой: два или три человека сидели где-то очень далеко, на другом конце вагона. Натянутые нервы, видимо, расслабились, стало болезненно сонно. И, засыпая, я смотрела в окно сквозь ослепительное солнце. На непривычные взгляду пальмы, ютившиеся по склонам гор городки, белые арки и мосты, на голубую полосу уже осеннего моря. А в голове как заезженная пластинка крутилось:

Если выпало в империи родиться,

Лучше жить в провинции, у моря...

Ком давил. Давил, давил горло...

И я всматривалась в эту прекрасную солнечную даль, все ещё надеясь, что он не послал своих демонов вслед за мной...

Тея вздохнула:

– Ладно, не буду пытаться. Приходи в себя...

И принялась звонить Алексу, чтобы он не забыл купить большие баллоны с водой.

Выпалив необходимые распоряжения, Тея замолчала, набирая воздуха для новой тирады, и вдруг как-то странно застыла. Очевидно, Алекс, воспользовавшись паузой, сказал нечто необычное. И голову даю на отсечение: новость не была приятной. Уголки рта подружки поползли вниз, меж бровей треснула складка.

– Да как же... Вот же... Мы можем... Ладно, пока. До вечера.

– Что там случилось? – испуганно спросила я, когда Тея закончила хватать ртом воздух.

– Наш квартирант, – вздохнула она.

Краска возвращалась на лицо Теи.

– Студент, что снимает нашу комнату...

Речь шла о комнате в городе, который они оставили ради Ашгарака.

– Что с ним?!

Я не знала, конечно, этого студента, в глаза никогда не видела, но сердце сжалось от непонятной ещё тревоги.

– Отравился газом, – Тея приходила в себя. – Сейчас в больнице. Алексу звонила девушка квартиранта.

– Утечка? Он живой?

– Кажется, живой. И нет, не утечка. Алекс говорит, кон-

форка была включена. Пустая, без огня.

– То есть он – сам?

Тея покачала головой:

– Не верится. Не похож он на суицидника. Вообще не похож. Ладно, главное, чтобы выкарабкался без последствий. А месяц-другой без его платы за аренду мы как-нибудь проживём.

\*\*\*

Вечером на Аштарак упал ливень. Мощный, безжалостный и беспощадный. Вместе с ним пришёл не менее мощный ветер. Его порывы бухали в стёкла, струи ливня выгибали раму, а потом во всей деревне сразу и внезапно погас свет. Наступила кромешная тьма.

Я закрыла ноутбук, потянулась и сказала:

— Это что значит?

— Это значит, что света нет, – глубокомысленно ответил Алекс.

Его стрелялки на экране компьютера предательски дрогнули, мигнули и тут же пропали. Он с обиженным недоумением уставился на абсолютно тёмный монитор. Тея сладко спала в спальне наверху, скорее всего, даже и не заметила упавшей вдруг на дом тьмы.

— Ну, теперь уже точно, спокойной ночи, – я восприняла наступление кромешного мрака, как перст судьбы.

Он указывал, что работать на сегодня хватит.

— Я тоже иду спать, – обиженно сказал Алекс. – Что мне

теперь тут делать?

Я поднималась в крошечной тьме на второй этаж, нащупывая лестничные перила – упругие, гладкие и как никогда спасительные. Потом, скинув тёплый халат, нырнула под два одеяла, немного поворочалась, согревая собой свой уютный сонный мир, и, наверное, заснула.

Но буря продолжала гроыхать вокруг и во мне. Сквозь сон я слышала и завывания ветра, и грохот далёких громов, и стук каждой ветки, бившейся о стекло. Казалось, что кто-то чужой и страшный ищет меня в темноте комнаты.

С одной стороны, это было словно погрузиться в детство – бояться не безработицы, безденежья и приступов безумия у близкого человека, а чего-то, таинственно бродящего в ночи. С другой...

— Ой, мамочки, – прошептала я, натягивая одеяло до подбородка.

С той стороны окна прямо на меня в упор уставился пронзительный взгляд чужого лица. Размытого дождём, но с горящими глазами. И самая жуть – это был второй этаж, в окно которого невозможно заглянуть мимоходом.

Размытый лик дёрнулся, и его не стало. Только что прожигал неистовым взглядом – и исчез. Словно не был. Словно растворился в ливне. Словно ветер отнёс клочками в неведомые выси и дали, словно вместе со струями впитался в рыхлую влажную землю. Осталось только ощущение пронзительно тоскливого взгляда. Такого одинокого, какого не

бывает у детей Божьих.

# Глава четвёртая. Легенда о невесте шакала

Остановка, на которую мы неизбежно натыкались, когда поднимались из оврага-«гнезда» Старого Дома, была чем-то вроде клуба по интересам, светским салоном и культурным центром одновременно. За час до «полуденного» автобуса здесь собиралось полдеревни. Некоторые дамы приходили с детьми. Но сам рейс ждали только два-три человека из компании. Остальные появлялись, чтобы обменяться полезной информацией. Почему-то ни перед «девятчасовым», ни перед «полтретьего», ни перед последним. Именно в полдень.

Но сейчас день давно перевалил на вторую половину, а остановка бурлила, как перед «полуденным».

– Странно, – сказала Тея, когда мы подошли поближе. – С чего это так много народа?

Оказалось, что обсуждали исчезновение осликов. Предысторию Тея мне рассказала чуть позже. Кто-то купил ослика в соседнем селе, рассчитывая организовать аттракцион для отдыхающих – катать ребятишек. Ослик оказался ослицей, причём, чересчур упрямой даже для своего племени. То есть детишек катать она категорически отказалась. Кормить бездельницу было накладно, и хозяин выпустил её на вольные хлеба, в чисто поле. К уже свободно шляющимся

по весям коровам, лошадям и пороссятам.

Маленькая ослица оказалась очень компанейской девицей. Как там сложилось – тайна, покрытая мраком, только ослики, гуляющие по полям, стали умножаться. Через год их было уже два, а через два года – три. Они приспособились скакать по горам, обрели поступь ланей, и появился целый новый вид – вольные горные ослы.

Так вот, ослиная троица уже несколько дней не появлялась в окрестностях деревни. Это взволновало жителей: ослики уже стали привычным атрибутом, чуть ли не эмблемой Аштарака. Про них собирались сочинить легенду, а тут они вот так взяли и пропали.

– Наверное, их кто-то съел? – как можно тише шепнула я Тее, когда поняла, что говорят о пропавших осликах.

Но меня услышали, несмотря на все предосторожности.

– Вот ещё, – фыркнула молодая, но уже начинающая полнеть селянка с толстой и, кажется, натуральной русой косой. – Несколько лет не ели, а тут взяли и съели? Миш макуля!

Народ зашелестел.

– Да анхнарина! – фыркнула её подруга с пышными губами «уточкой». – Никто их не трогал, попробовали бы только! Эти ослы были очень даже себе боевые.

Остановка загудела одобрительно.

– А может... Кто-то приспособил в хозяйстве? – выдвинула я другую гипотезу.

Уже немного громче, так как всё равно попала под пере-

крёстные взгляды.

– Этих?! В хозяйстве?! Так они тебе и побежали работать!

Это прозвучало уже с неподдельной гордостью. И гул превратился в высокомерно презрительный. Остановка от всей души радовалась за тех, кто упорством выбил себе право жить так, как считает нужным.

– Ну, тогда я не знаю, – пискнула я и спряталась за Тею.

Испугалась, что заподозрят в плохом отношении к ослам. На самом деле у меня с этими животными связаны очень тёплые детские воспоминания. Мама рассказывала, что когда-то давно по дворам городка, где она родилась, ездил старьёвщик на тележке, запряжённой маленьким осликом с большими глазами. Неопределённого возраста дядечка, казавшийся маме в то время безнадёжно пожилым, принимал на вес груди тряпок – старую, вышедшую из употребления одежду, а взамен давал настоящее счастье: яркий шарик, покрытый разноцветной, блестящей фольгой. Шарик пружинил на резиночке – и вниз, и вверх, и в разные стороны. От взгляда на это разноцветное, прыгающее чудо у мамы просто захватывало дух.

Ей очень, просто невероятно хотелось этот шарик. Поэтому в очередной заезд ослика во двор она со всех ног кинулась домой в поисках ненужного тряпья. Родителей не было, поэтому мама собрала всё, что попало под руку, и совершенно запыхавшаяся, но счастливая, вывалила груды вещей на тележку старьёвщика. Глаза с волнением следили за деле-

нием безмена, которое, сводя своей медлительностью с ума, приближалось к заветной черте, где маячило счастье.

Стрелка ещё качалась, но уже останавливалась выше необходимой отметки. Мама замерла от несправедливости судьбы, и тут заметила внимательный, хитрый и добрый взгляд ослика. Он подмигнул, и стрелка тут же подпрыгнула вверх. Заветный шарик оказался у мамы в руках. Он прыгал на резиночке вверх-вниз, и в разные стороны, он даже крутился, пружиня, кругами, и мама ни на секунду не выпускала из рук это чудо.

А ещё спустя часа два её папа, мой дедушка, бегал по дворам нашего городка, пытаясь догнать старьёвщика, увозившего его новый пиджачный костюм, который мама обменяла на заветный прыгучий шарик из фольги с кучей других тряпок.

Эта история была со мной всё детство, волшебная и удивительная, определившая отношение к осликам на всю оставшуюся жизнь. Я не могла позволить кому-то усомниться в своей любви к этим животным и хотела рассказать этот случай всей остановке, но пока собиралась с духом, подошёл автобус. Толпа рассосалась, а мы отправились по своим делам.

– Мама часто вспоминала ослика из своего детства, – сказала я Тее. – Говорила про него... Очень хорошо. Я много лет сочиняла, как мы с ним подружились. Мечтала в детстве встретить волшебного ослика. Жалко, если с местными что-

то случилось.

– Да уж, – задумчиво ответила Тея. – Мы к ним привыкли.

\*\*\*

Тея и Джен пили чай за большим дубовым столом. Эрик, годовалый сынишка Джен, устав елозить по ковровому покрытию гостиной, карабкался на колени то к одной, то к другой. Иногда он принимался хныкать, но очень проверочно и недолго. Эрик был на редкость покладистый и доброжелательный мальчик. Из тех, что сразу улыбаются даже незнакомым людям.

– Ослики пропали, – рассказывала Тея. – Мы слышали об этом на остановке. Те самые, горные...

– Ночью перед ливнем, – голос Джен плыл по комнате в ароматах мяты, сопровождающих это чаепитие, – люди слышали звук охотничьего рога в горах.

Я смотрела сквозь верандное стекло, как две розовые полосы прочерчивают небо, опрокидывая его на величественные в своём равнодушии горы. Беседу не хотелось поддерживать даже из вежливости. Голоса доносились словно не сразу, а с опозданием. Как свет какой-нибудь далёкой звезды до Земли. Свет Канопуса.

Тея откликнулась на новость:

– И все переполошились после исчезновения осликов. Это из-за той старинной легенды?

Вопрос повис в сгущённом мятном воздухе. Я поняла, что Джен кивнула, так как после небольшой паузы Тея рассмея-

лась.

– Ох уж мне эти деревенские страшилки, – сказала она. – Уверена, сейчас пойдёт слух, что Шакал вернулся. Может, хоть теперь люди перестанут выпускать скотину безнадзорно бродить по окрестностям.

Надо сказать, что даже я – без году неделя в Аштараке – уже прониклась масштабом этой проблемы. Коровы чувствовали себя здесь хозяевами. Ходили по деревне абсолютно свободно, забредая в самые невероятные дебри. Не жились на солнышке, развалившись прямо на шоссе и задумчиво взирая на машины, напряженно маневрировавшие между ними. Как-то одно из этих созданий, священных в Индии, проломило забор в недрах заброшенного сада, и с тех пор жизнь в доме Теи и Алекса напоминала западный вестерн. Сначала прямо под окнами вдруг раздавался жуткий треск и тоскливо-торжествующее «му-у-у», затем Тея кричала «Пристрелю, скотина», заряжала самодельный пугач пулями, которыми стреляют в тире, и выскакивала во двор. Туда, где рыжая рогатая красавица нагло и неторопливо обглаживала кусты и деревья с задумчиво-философским выражением на морде.

Вслед за Теей выскакивала Джаз, чёрная кошка с белыми лапками, а беспросветно смоляной кот Армстронг устраивался на подоконнике с видом киномана, опускающегося в мягкое кресло перед огромным экраном. Только без попкорна и кока-колы.

Я мостилась рядом с Армом, и мы – щекой к морде – наблюдали за разворачивающейся сценой. Взъерошенная Тея скидывала ружье, раздавался сухой треск, презрительное «вяк» отскочившей от плотной шкуры пульки, и корова, медленно поводя бёдрами, с достоинством удалялась со двора. И она сама, и все мы, включая кошек, знали: коровы вернутся при первом же удобном случае.

Так что я прекрасно понимаю Тею, когда она с затаённой надеждой в глазах говорит:

– Люди перестанут выпускать скотину безнадзорно бродить по окрестностям. И все из-за того, что кому-то пригрезился звук охотничьего рога в ночи...

Джен кивнула:

– Вообще-то власти объявили, что скоро беспризорно болтающихся коров начнут свозить на штрафстоянку... А ещё люди видели на днях, как из трубы Дома Невесты валил дым. Кто-то топил печку в заброшенном доме.

Беседа, свернув с темы воспитания детей, становилась интересней. Я не заметила, что уже всюю прислушиваюсь.

Тея сладко потянулась:

– Понятно, сейчас они найдут все признаки... Как ты думаешь, сколько лет прошло с последнего появления Шакала?

– Наверное, лет сто, – не очень уверенно произнесла Джен. – По крайней мере, очевидцев последней трагедии я не встречала.

– Теперь в Аштараке будет, о чем рассказывать детям на

ночь...

Я повернулась к девушкам.

– А что за легенда?

Принцесса Иголочка в моих мыслях стремительно приближалась к неизвестному Дому Невесты.

– Ну, местные тебе лучше расскажут, – Тея насмешливо прищурилась, словно знала, что творится сейчас в моей голове.

Запах мяты усилился. Или мне показалось?

– Ти! – я даже сделала шаг в сторону стола. – Ты же знаешь, как мне трудно расспрашивать незнакомых людей. Поэтому, будьте добры, расскажите об этом Шакале.

И пояснила уже для Джен:

– Я собираю всякие такие легенды для своих сказок.

Тея прекрасно знала, что вступить в беседу с незнакомцем требовало от меня определённых душевных усилий.

– А ты будешь после этого спокойно спать по ночам?

– Ну, ты... – прошипела я.

Из чего следовало, что мне не терпится послушать эту легенду.

– Когда-то, давным-давно, – начала Джен «особым» таинственным голосом, явно подражая кому-то.

Она подняла Эрика с пола, не замолкая, устроила на коленях.

– Люди умели понимать язык птиц и зверей, длина жизни измерялась не годами, а столетиями, а звёзды, видевшие те

события, поседели от времени.

Джен сунула сыну в руку песочную печенюшку. Эрик тут же, покряхтывая от удовольствия, принялся мусолить курабье.

– Красиво! – одобрила вступление Тея. – Но, по-моему, это плагиат и вовсе не из этой оперы. Ты где-то вычитала. Слишком литературно для деревенской страшилки.

Джен загадочно улыбнулась.

– Так вот, – продолжила она. – В эти чудесные времена люди часто охотились в горах. И вот однажды охотники вышли на след старого белого волка. А это был как бы ни совсем и волк. Скорее... Такое... Существо. То ли полубог, то ли дух, охранявший мудрость древних. А, может, последний представитель некогда жившего в горах народа. Ещё с тех времён, когда мир густо населяли эльфы, тролли и прочие гоблины. Почему бы в этих горах не могли жить предки, скажем, современных оборотней?

– Тут мы не совсем разобрались, – призналась Тея. – Так как озвучивается сразу несколько мнений.

Джен глотнула чаю и стряхнула крошки печенья, которыми её щедро осыпал Эрик:

– В общем, шли они, шли по следу и, наконец, окружили существо, которое было совсем старым и уставшим. Обесиленный мудрый полубог-полузверь упал на землю, и сказал, что даст себя убить. Потому что всё изменилось, и он не хочет больше жить в чужом для него мире. Охотники, на-

верное, заржали... Ну, это я так себе представляю... А старый «волк» посмотрел на них странно и добавил: «Тот, кто выпьет моей крови, получит мою душу. Последний дар и проклятье этому миру. Умение видеть то, что незримо для остальных – дар власти. Но у него есть оборотная сторона. Непохожесть на других, добровольное изгнание из общества и одиночество для него и его потомков. Ну, кто из вас будет настолько смел, что обагрит руки моей кровью?».

– Это о том, что все гении невыразимо одиноки, – скорее подчеркнула, чем спросила я.

– Может быть, – пожалала плечами Джен. – В общем, он пообещал, что они станут волками во владениях шакалов.

– И все, конечно, испугались?

– Нет, они были первобытными и тупыми, – сказала Джен, пытаясь освободиться от всё прибавляющихся крошек.

Эрик под шумок схватил уже третью печенюшку.

– Эти аборигены захохотали над мудрыми речами и просто убили волка. А один – то ли самый наглый, то ли самый бестолковый, – всё-таки испил по древнему обычаю крови жертвы.

Вообще-то история на первый взгляд казалась немудрёной, но что-то в ней было... Этакое. Даже немного сложнее, чем требовалось для приключений моей принцессы Иголочки.

– А когда он повернулся к своим соратникам по охоте, то увидел, что на него скалятся шакалы морды. Вот так-то!

– Они превратились в шакалов? – переспросила я.

– Да нет же, – фыркнула Джен, – все остались прежними.

Это он стал мудрым волком в среде шакалов. Конечно, ему пришлось уйти из деревни и жить в горах в одиночестве. Это же с ума сойти, если каждый день, вместо соседей, видеть чудовищ с шакальими головами. Ну и скучно ему с ними, наверняка, стало. О чём с шакалами волку говорить? Говорят, где-то в горах, куда нет прохода, до сих пор спрятан его чудесный дом с прекрасным садом.

– Никогда не поверю, что никто не пытался найти это место! – удивилась я.

– Конечно, пытались. Это же было очень давно, думаю, ещё за много тысячелетий до рождения Христа, – сказала Тея. – Точной даты никто не говорит, конечно, но, когда ещё жизнь измерялась не годами, а столетиями?

Она посмотрела на Джен.

– Наверняка в изначальном рассказе всё звучало по-другому. Это уже ты выдумала. И про поседевшие звезды. И про язык птиц и зверей. Но права в том, что было несколько экспедиций по поиску этого места, я читала отчёты. Правда, экспедиции все —любительские. Собирались энтузиасты и обыскивали территорию. Ведь это, можно сказать, фишка Аштарака. Но не для туристов, для внутреннего потребления. Местные жители гордятся, между прочим, этой историей. И если кто-нибудь из деревни выбивается «в большие люди», про него так и говорят: «потомок шакала Аштарака».

– А при чем тут звук рога и дым из трубы заброшенного дома? – вспомнила я.

– Это уже продолжение истории, – сказала Тея. – Просто раз в несколько столетий, а, может, и раз в сто лет, потомок Шакала спускается с гор, чтобы найти себе жену.

– Так он до сих пор там живёт? – обрадовалась я.

– Не то, чтобы он. Наверное, его потомок. Раз в сто лет Волк Аштарака (как его называют одни) или Шакал (как его называют другие) спускается с гор. Он трубит в рог, возвещая округу, что идёт за невестой, а в заброшенном доме за деревней появляются признаки жизни.

– А, – догадалась я, – ему в жертву, как дракону, отдают самую красивую девушку деревни?

– Да, вроде, нет, – задумалась Джен. – Я поняла, что девушка должна пойти добровольно. Никто её не принуждает. И, вроде как, желающие всегда находились, если верить легенде. Наверное, девушки из многодетных бедных семей были готовы выйти замуж хоть за волка, хоть за дьявола.

Эрик захныкал, давая понять, что время девичьих вечерних посиделок вышло.

– Нам, наверное, уже пора? – спросила я, чувствуя себя немного виноватой за то, что заговорила девчонок.

Тея поднялась со стула, перехватила хнычущего Эрика у Джен.

– Ты дойдёшь домой сама? – немного виновато спросила она меня. – Я должна помочь Джен.

Я кивнула. Одной мне было даже легче. Хотя бы потому, что могла по пути хорошенько подумать о легенде. Например, как моя принцесса Иголочка стала невестой Шакала... Нет, паршиво звучит. Я уже на пороге обернулась к Тее и Джен:

– А почему легенда о Шакале? Он же – волк? Волк Аштарак.

Звание невесты Волка Иголочке подходило намного больше.

– Его полное имя в легенде – «Видящий шакалов». Просто сократили, так быстрее произносить. Получилось – Шакал. Люди же вообще любят все сокращать.

– Глупость получилась, – я даже как-то обиделась за незнакомого мне Волка. – Смысл изменился прямо на противоположный. Ох уж эти люди...

Тут же закрыла за собой дверь, чтобы уже прохладный воздух не остудил дом, где хныкал маленький Эрик.

\*\*\*

Я свернула с центральной дороги совсем немного. Туда, где тянулись заброшенные чайные плантации. Даже издалека было видно, как лопались белые бутоны, раскрываясь в нежные цветки. Их сменили колючие заросли со спелой и уже подсохшей ежевикой, переплетённой с не менее спелым, тугим и костистым шиповником.

Мне не хотелось возвращаться сейчас в Старый Дом. Мир вокруг наполнился незнакомыми звуками и запахами, пришла

пора оглядеться в этом прекрасном месте.

Деревня всё не кончалась, хотя кусты стали попадаться реже, а вскоре и вообще уступили территорию могучим, выгнутым в сторону солнца деревьям. На очень длинной, петляющей улице мне иногда попадались какие-то люди, местные жители. Они были приветливы, все громко здоровались, а один седой статный аксакал даже крикнул мне: «Посмотри, есть ли грибы!».

Маленькая речушка бурлила по горному склону, и я отправилась по ней вверх. Вперёд звало внезапно охватившее ощущение волшебства, и оно, это ощущение, уверяло, что главную, лучшую свою сказку, напишу здесь. Я поднялась по обрывистому склону, хватаясь за торчащие из земли огромные корни. Под ногами мокро блестели черные гладкие валуны, на некоторых расползались синевато-серые пятна лишайника с жёлтой бахромой.

Я села на поваленное дерево прямо над водой и достала из кармана огромной и тёплой куртки Алекса, выданной мне накануне, ручку и маленький блокнот. Полная вдохновения. Но когда попыталась начать, расстроилась. Фразы получались банальными, чего-то не хватало, чтобы описать чудо, которое происходило вокруг. Поэтому вскоре сдалась, просто сидела и смотрела на воду, на обрывы, на камни и деревья.

И тогда вдруг услышала песню реки. Очень-очень тихий напев, словно кто-то осторожно дышал в бутылочное гор-

лышко. Нежный, на одном дыхании, звук сквозь бурлящее меццо-форте реки по перекатам.

Я наклонилась чуть ниже, коснулась воды ладонью. Холодная, как и следовало ожидать. Перед глазами мелькнуло пятнышко света. Бурливая речка несла по перекатам нечто маленькое и блестящее. Оно зацепилось за острый угол камня прямо у моих ног. Небольшая хрупкая цепочка. Я потянулась в прозрачную воду и через секунду уже держала тонкую затейливую вязь. На цепочке чудом уцелел небольшой замысловатый кулончик с какими-то вензелями.

Посмотрела на солнце сквозь него. Лучи, отражаясь от неизвестного металла, рассыпались золотом на мои ресницы.

И вздрогнула от ощущения, что кто-то смотрит на меня. Очень внимательно, не отрывая взгляда. Я осторожно повернула голову туда, откуда шло навязчивое чувство тревоги. Попыталась взглянуть в калейдоскоп красок и предметов. Бесполезно. Древний инстинкт охотника, умеющего различить в лесной пестроте малейшую деталь, у меня, как оказалось, напрочь отсутствовал. Я никого не заметила, но чувство тревоги всё равно не отпускало. И ощущение чьего-то взгляда – тоже.

– Эй, – крикнула я на всякий случай в это поплывшее перед моими глазами «ничто». – С вами все в порядке?!

Послышался шум мотора, всплеск воды, и из-за поворота, прямо по мелкой речушке, выехал джип. За рулём сидел довольный жизнью парень, рядом улыбалась русоволо-

сая девушка, а с двух сторон джипа неслись две промокшие до нитки, но счастливые собаки. Я улыбкой проводила эту живописную процессию и тут же вслед за ними отправилась назад.

## Глава пятая. День знакомства всех со всеми

Утро следующего дня началось бурно. Я проснулась от того, что Старый дом полнился радостными голосами. Он звенел предчувствием чего-то замечательного, словно в бокал со льдом хлестало золотистым вином. В этой весёлой неразберихе слышалось даже шуршание зарослей травы, нарисованной на входной двери.

Приехали Хана и Майя, это их – беззаботных художниц – встречали оранжевые ящерицы. Мелькали руки, дорожные сумки, кто-то разувался, разбрасывая белые кроссовки от нетерпения, кто-то обнимался, и все говорили разом, быстро, не слушая друг друга от полноты чувств. То тут, то там вздымались весёлые вихри, Тея уже звенела чем-то на кухне, вскоре потянуло свежесваренным кофе, плескалась вода, которую носили из бочки во дворе и грели в большом тазу огромным кипятильником. Все обитатели Старого дома оказывались сразу везде, наполнили каждый его угол, и одновременно собирались куда-то немедленно ехать, идти, что-то делать и дома, и вне его.

Размышлять о своём сложном внутреннем мире сразу стало некогда, так как я тут же попала в эту лавину активности. Неслась уже в общем стремительном потоке, не давая себе

труда задуматься: зачем и почему. Смысл снова возвратился к жизни самой, а не к тому, что я о ней думаю. Словно разбитый вдребезги мир затягивал трещины радостями и проблемами других людей.

– И он мне говорит, – быстро, словно боясь не успеть выложить все, что пришло в голову, рассказывала Хана. – Говорит: «Девушка, если вы немного потянетесь, то сможете достать до неба». Я словно магнит для всяких якобы остроумных высказываний. Никто не может пройти мимо, постоянно ловлю на себе странные взгляды. Ну почему люди никогда не могут оставить меня в покое?

Я бы тоже обязательно уставилась на Хану, увидев в толпе. Не смогла бы не заметить: очень худую, чрезвычайно высокую, с горящим чёрным огнём взглядом. От Ханы летели искры даже сейчас, когда она просто впиалась зубами в бутерброд с колбасой.

– Потому что ты выделяешься из толпы, – подтвердила мою мысль Майя. – Иногда, как ни старайся, она не даёт в себе раствориться, даже если человек изо всех сил пытается мимикрировать под неё. Прямо выпихивает прочь.

– Есть такие личности, – вмешалась я, – которые никогда и никак не смогут раствориться в толпе. А есть такие, что отчаянно пытаются выделиться, но все равно остаются её частью. Мне кажется, что дело в глубинной метке, которую на личность ставит кто-то свыше.

Тея прищурилась:

– О, метка крови? Мы опять возвращаемся к нашей легенде? Поздравляю Хана, ты – потомок волка Аштарака.

– Чего? – Хана недоуменно воззрилась на нас с Теей, потому что мы как раз в этот момент обменялись понимающими взглядами.

– Всё не так буквально, – произнесла я.

Мы с Теей рассказали девочкам местную легенду.

Хана верила в динозаврика Гошу и в единорогов. Гошу она сама создала и с его историями собирала кучу лайков в интернете, а единорогов никогда не видела. Волка Аштарака она тоже никогда не видела, но сразу поверила в него.

– Я вот, правда, не смейтесь, все время чувствую, что какая-то другая. С самого детства. Люди всегда как-то странно смотрели на меня. Чувствую, что им одновременно хочется ко мне прикоснуться и уйти куда-нибудь подальше.

– Ты их просто раздражаешь, – засмеялась Майя. – Потому что у тебя в голове – единороги, а не грядки с картошкой, и они чувствуют это.

– А что в этом такого? – искренне удивилась Хана.

– Про картошку можно всегда поговорить – как посадили, окучивали ли, удался ли урожай. А как обсуждать несуществующих единорогов? И главное – зачем? От этого нет никакой практической пользы. Бесплезная информация, которую никуда не применишь в жизни.

– Единороги существуют, – упрямо пробурчала Хана. – Их запросто можно применить в жизни. Только сначала их

нужно встретить. А вот это уже проблема.

И вдруг, посмотрев на меня, выдала:

– А как тебе живётся с твоей меткой?

– С какой? – опешила я.

– С меткой жертвы...

– Вот что ты сейчас сказала? – сердито вмешалась Тея.

Она закончила собирать грязную посуду со стола и теперь сидела как бы погруженная в пинание каких-то птичек на планшете. Но, судя по всему, нить беседы не упустила.

– Так у неё на лбу высечено: «Жертва», – виновато оправдывалась Хана. – Я же за неё переживаю.

Я проглотила ком, опять поднимавшийся к горлу, и натянула улыбку на лицо. Улыбка, как дырявый чулок, пошла затяжками гримас, получилось что-то похожее на оскал.

– Ха-ха три раза, – сбивчиво проговорила я. – Никакая я не жертва. Тебе показалось.

Хана прищурилась, но промолчала. В эту секунду мне слышалось шуршание травы под юркими ящерицами. «Это только связь между художником и его картинами, – быстро подумала я. – Никакой метки она не видит, просто каким-то невероятным образом слышала мой разговор с её ящеркой».

– Хана, твоя непосредственность иногда граничит с идиотизмом, – Тея отложила планшет и встала.

Краем глаза я видела: она делает какие-то угрожающие знаки Хане.

– Мы собираемся спуститься в город, – немного виновато

произнесла художница. – Потолкаться по сувенирным лавкам, поглазеть на осеннее море и выпить кофе в кафешке. Вы с нами?

Тея покачала головой:

– Вечером придёт с работы голодный муж. А потом вы – тоже голодные. Так что без меня.

– Лиз, пойдём! – позвала Майя.

Уж не знаю почему, но настроение резко испортилось. Опять накрыло ощущение, что у меня какая-то заразная болезнь, которую чувствуют окружающие и сторонятся. Мне хотелось жить так, словно ничего не случилось. А эти взгляды и перемигивания...

– Я не пойду. Много работы.

– Принцесса Иголочка? – подмигнула мне Тея.

Её голос опять стал насмешливым.

– Какая принцесса? – тут же взволновалась Хана.

В данный момент она выпускала серию открыток со сказочными персонажами и её очень волновал вопрос принцесс и прочих волшебных существ. Единорогов, да.

– Потом расскажу, – пообещала я и отправилась к своему ноутбуку.

Потому что, как бы ни насмехалась надо мной научная Тея, но моя капризная принцесса Иголочка уже начинала догадываться о том, что её крестная – злая ведьма. Я действительно не могла оставить её в такой драматический момент одну на перепутье.

Подумала немного и отправила Иголочку перекрашивать-ся в розовый цвет. В феемахерскую к волшебным мастерам феям. Она изменилась до неузнаваемости. Мне даже показалось, что моя принцесса стала выше и худее. И ещё у неё появилась вертлявая привычка постоянно оглядываться в поисках единорога. «Вы кто?», – спросила её на входе во дворец злая ведьма, притворявшаяся доброй крестной.

– Лиза, будь прелестью, сходи за хлебом! – закричала снизу Тея, ворвавшись серой реальностью в мой сказочный мир.

\*\*\*

Кроме обмена важными новостями, в ожидании «полуденного» аштаракские дамы воспитывали пса Мухтара, который жил напротив остановки во дворе дома с узорчатой верандой. Мухтар был овчаркой, молодой и жизнерадостной. Вчера я наблюдала, как он получает основы правил хорошего тона «Поведение с хулиганскими собаками». Необходимость обучения вызвал визит двух дворняг весьма задорной наружности. Эти разгильдяи изощрённо дразнили честно сторожившего свою территорию Мухтара. Когда же пёс ответил на их вызывающие действия громким лаем (надо сказать, делал он это с большим удовольствием), с остановки сразу раздался хор голосов:

— Фу, Мухтар!

— Нельзя, Мухтар.

— Мухтар, тихо!

Результата никакого не последовало. Галдёж продолжал-

ся, усиленный воспитательными акциями, но все получали удовольствие. Дворняги от своего хулиганства и свободы, Мухтар – от законного повода зайтись бесшабашной дурниной, а «остановочный кружок» ... Наверное, от сопричастности к событию.

Сегодня перед «полуденным» было подозрительно тихо. Люди собрались, как всегда, я это видела издалека, но говорили чуть слышно, и ощущение всеобщей растерянности витало в осеннем воздухе. Я подошла ближе, выхватила глазами невысокую черноглазую женщину в светлых трикотажных бриджах до колен и просторной футболке. На макушке черноокой жительницы Аштарака торчал хохолком обесцвеченный хвост, перехваченный резинкой. Мелькали на солнце огненной рыжиной отросшие пряди. Они не были седыми, как положено. Именно такими – странно огненными. Зачем-то женщина скрывала перекисью не седину, а яркий цвет натуральных волос. Старалась приглушить огонь.

Говорили они то на своём языке, то переходили на русский. Когда я слышала разговоры местных, то всегда поражалась этой особенности: даже беседуя между собой, они чередовали фразы на разных языках.

— Ануш, – аштараканка с короткой аккуратной стрижкой обратилась к «обесцвеченному хвосту», – Ов карох ер мтацел! А ночью ничего не было слышно?

Оказывается, я безошибочно выделила из толпы легендарную, всё знающую Ануш.

— Ес шат зармацац ем, – расстроено произнесла та, словно разговаривала сама с собой. – Сроду у нас собак со дворов не сводили. Если бы кто чужой был, так Мухтар бы шум поднял.

— Может, приманили, чем вкусным? Молодой ведь, дурной. Да и добрый, надо сказать....

Я посмотрела на двор напротив остановки. Точно. Пса нигде не было видно. И его весёлого лая, который знала вся деревня, слышно тоже не было. Женщины покачали головами, развернулись и собрались расходиться. Очевидно, по домам, потому что, куда же ещё здесь расходиться?

— Ануш, а что случилось с Мухтаром?! – торопливо спросила я.

Женщины оглянулись с удивлением. Та, которая была Ануш, мягко и доброжелательно ответила:

— Со двора свели.

И опять что-то прибавила на своём языке. Может, по привычке перевела тут же фразу, а, может, просто выругалась.

— Ануш, – уже обнаглела я, – а кто свёл-то?

Конечно, я сразу вспомнила пропавших осликов. Но если те могли и сами уйти из Аштарака в поисках лучшей жизни, то пёс-то сидел на цепи.

— Да кто ж его знает?! Ворканов индз е хайтни, чужих у нас не бывает, а местные никогда так не поступят.

Я была «не местная», а, значит, попадала под подозрение. Собачьей воровкой прослыть совсем не хотелось, и я стала

оправдываться:

— Да кому нужен пёс-то чужой? Это же не ведро, не кастрюля. Как его в хозяйстве приспособить?

— Вот и мы не понимаем, – пожала плечами Ануш. Скорее всего, она не склонна была подозревать меня в причастности к похищению Мухтара. – А только цепь порвана.

— Может, кстати и сам сбежал, – добавила короткостриженная. – Ов гити? Молодой, дурной, кровь взыграла. Набегается, прибежит.

И женщины, тяжело вздыхая, пошли прочь от остановки. Их словно давила мысль о воровстве в родной деревне. Пусть пропал только молодой и глупый кобель, который, возможно, сам сорвался с цепи.

Я зачем-то поплелась за Ануш и короткостриженной, держась на некотором расстоянии. Вскоре они шумно попрощались, вторая женщина скрылась за ярко-зелёной калиткой. Ануш пошла дальше.

И я, словно зачарованная, не отрывая взгляда от её огненных прядей, отправилась следом. Неудержимо тянуло: и то, что я слышала, и сам её облик, и то, как она говорила, мешая русские слова с местным наречием. Меня тянуло к ней всё. Набравшись смелости, я позвала «Ануш!». Полушёпотом, но она услышала. Остановилась, развернулась и внимательно посмотрела мне в глаза.

— Хотела... извините... – невнятно бормотала я, на ходу пытаясь придумать, что же именно хотела. – Я подруга по-

други Джен, вы же знаете Джен, гошу у её подруги... Меня Лизой зовут.

Ануш кивнула, не отводя внимательного тёмного взгляда:  
— Ты не зря здесь гостишь, верно?

Она подождала ответа ещё немного, но на меня так нево-  
время напал ступор, и я не могла произнести ни слова, как  
ни старалась. Ануш вдруг расхохоталась:

— Заходи ко мне, поболтаем. Когда будешь в настроении.

И сказала адрес, который я сразу же запомнила. Затем  
Ануш пошла дальше, а я, сгорая от стыда за свой дебильный  
вид, постояла ещё немного и отправилась за хлебом.

Мне не хотелось об этом думать, но, по всей видимости,  
странные дела начали твориться в деревне с момента моего  
приезда. Вернее, с той самой ночи в Аштараке, когда с вер-  
шины горы докатился звук охотничьего рога. По дороге до-  
мой я думала об этом столь усиленно, что по прибытию об-  
наружила буханку свежего хлеба наполовину обгрызенной.  
Обкусала и не заметила.

Своими мыслями я поделилась с Теей в опустевшем Доме.  
Девчонки умчались в город.

— Наверняка ты выдумываешь всякие глупости, – отве-  
тила подруга. – С чего бы в честь твоего приезда местным  
мифическим существам трубить в охотничий рог и уводить  
псов со двора?

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.